

Я – охотник. В мире, захваченном опасным и загадочным Лесом, ставшим истинным владыкой планеты, я уничтожаю лесное зверье, мутантов и хищников. Но иногда люди ведут себя хуже, чем звери. И тогда из простого охотника мне приходится превратиться в убийцу. Неважно, что я один, и никого за меня. Неважно, что враги мои – кочевники Черного Рынка, эти варвары нового мира. Я не боюсь. Теперь пусть другие боятся меня.

Один из леса

Автор: Кочевник

Даже если ты один против всех, это не значит, что ты не прав.

Хью Лори

Часть ПЕРВАЯ

Мутанты и люди

Только у людей кто громче кричит, тот слабее бьет. У зверей обычно наоборот – кто громче ревет, тот и кусает сильнее. Кабаны ревут особенно громко, и этот меня почти оглушил. Я как раз воткнул в дно ямы-ловушки третий кол, когда он рухнул чуть ли не мне на голову.

Кабанов-мутантов называют горбунами. Они здоровые, горбы у них твердые как камень, а из башки торчат острые костяные наросты. Хорошо, что угодил кабан все-таки не на меня, а на кол. Но плохо, что я не успел его толком вкопать, и заточенная жердина накренилась, а потом упала.

Взревев, горбун бросился в атаку. Твари они злобные и обычно стараются убить все, что движется и дышит. Любое существо воспринимают как угрозу, которую нужно втоптать в землю по самые уши. Я метнул ему в морду нож, которым остругивал колья, и прыгнул к стенке ямы, то есть глубокого и широкого лесного оврага. Его склоны мы с помощью лопаты сделали отвесными, со дна выгребли листья и сухие ветки, утрамбовали. Передо мной свешивалась веревка, наверху привязанная к дереву. Подскочив, я ухватился за нее и полез.

И тут кабаньей клык воткнулся мне в ногу. Твою рогатую мать, за что?! Я ведь всего лишь хотел поймать тебя в ловушку, дожидаться, когда ты истечешь кровью, отрубить тебе голову и освежевать! Только бизнес, ничего личного!

Перед глазами все поплыло от боли, пальцы заскользили по веревке. Надо было перчатки свои специальные надеть!

Сверху показалась седая голова.

— Держись! – Миха вцепился в мое запястье.

Горбун бесновался, мотал башкой и ревел. Я поджал ноги. Кровь тонкой струйкой стекала с левого ботинка.

Миха ухватил меня второй рукой и свесился вниз сильнее. Из-под расстегнутого ворота выпал кулон - плоская металлическая коробочка размером со спичечный коробок закачалась на титановой цепочке. Напарник поднатужился и с громким хэканьем вытащил меня. Внизу кабанище мычал, фыркал и сновал туда-сюда, оставляя на земле темные пятна крови.

— В задницу мутанту такую жизнь! – простонал я, садясь и осторожно закатывая камуфляжную штанину. – Откуда он взялся?! Должен был прийти сюда только через полчаса где-то! Мы же еще даже приманку не положили!

Приманкой служили полмешка гнилых яблок, до которых горбуны охочи. Они вообще-то жрут все подряд: желуди, орехи, семена, фрукты, мясо... могут и человека схарчить, кстати, без проблем. Но почему-то считают гнилые яблоки особым деликатесом.

Яму мы собирались накрыть заранее приготовленными длинными жердями, потом еще хвороста с листьями набросать и поверх всего этого рассыпать яблоки. Кабан, которого нам заказали обитатели поселка Ореховка, повадился разрыхлять их поле, пугал женщин с детьми, а недавно убил пастуха и разогнал стадо чахлах поселковых коз.

Миха спрятал кулон под рубашку. Происхождение этой штуки было его великой тайной. Раньше я приставал с расспросами, откуда кулон да что он значит, но напарник был стоек и не кололся даже по пьяни. В конце концов, я перестал лезть. Темнит – его дело, мне уже давно было ясно, что в прошлом Михаила были страницы, которые он не хочет открывать никому.

Напарнику моему сильно за пятьдесят, но он еще вполне здоровый, да и вообще мужик крепкий. Плечи покатые, мясистый, коренастый, похож на отставного борца. Ну и выправка военная чувствуется, привык к дисциплине, каждый день – зарядка, через день – спарринг со мной, то бокс, то борьба, то ножами машемся. Я его на полголовы выше и на десяток кило легче. И более чем в два раза моложе, но все равно иногда с трудом за ним поспеваю во время длительных переходов. А переходы такие мы устраиваем частенько, и успели побывать почти на всей доступной территории. Лес смертельным зеленым океаном окружает относительно небольшой островок, где нам приходится жить. И есть ли на Земле другие подобные островки... да нет, уверен, есть. Но нам отсюда до них не добраться, во всяком случае, я не слышал про успешные экспедиции в глубину Леса.

— Рану надо побыстрее обработать, — сказал Михаил.

— Обработаю, только эту сволочь рогатую завалю.

Я потянулся к своей короткоствольной «махновке», то есть ТОЗ-106. Ружье лежало на куртке, брошенной на подготовленных для ловушки жердях. У ТОЗа самодельный магазин на пять патронов, а в раскладной приклад впаяны салазки, куда можно вставлять второй, запасной.

— Не дури, — сказал напарник. — Иди лучше своим «кулацким обрезом» воробушков пугай. Это обычных кабанов валят под лопатку или в шею, а горбуна можно убить, только если в брюхо или в глаз засадить. В глаз отсюда не попадешь, в брюхо тем более.

— Самый умный? Тогда дай свой карабин.

У Михи на плече висел «Тигр», напарник заряжал его усиленными патронами армейского образца, которыми горбуна валить самое то.

— Не-а, — покачал он головой. — «Тигру» я тебе не дам. Незачем бронебойные на кабана тратить, сам сдохнет скоро. И вообще, прекращай эмоциями прыскать. Сколько тебя учить?

Мы остановили кровь, промыли рану перекисью, наложили жгут. За это время бодрости у горбуна поубавилось. Ему-то кровь, текущую из разорванного колом брюха, остановить было некому, и он слабел с каждой минутой. Когда уселись передохнуть на краю ямы, Михаил вдруг пихнул меня локтем в бок, ухмыльнулся, отчего на щеках появились две глубокие складки-ямки, и сказал:

— Анекдот вспомнил. Попали как-то в яму четыре мутанта: лис-мутант, волк-мутант, заяц-мутант и свинья. И вот свинья говорит... Что, рассказывал уже? — догадался он по выражению моего лица.

Удивляюсь я иногда на своего друга и напарника. Он же мне реально в отцы годится. Солидный мужчина, в возрасте, военный бывший, многоопытный, побывал во всяких горячих местах. Научил меня куче полезных вещей: выживанию, планированию, тактике боя, рукопашке, стрельбе, да и просто нормальной житейской смекалке. Но накатывает на него временами такая ребячливость, почти мальчишество, начинает анекдоты травить, шутить или подкалывать. Хотя, если задуматься, то можно понять, откуда это берется: своего рода защита от окружающего. Ибо мир спустя десять лет после Пандемии, уничтожившей большую часть человечества, кровав, жесток, опасен и мрачен. И каждый с этим справляется по-своему. Вот Михаил — шутки шутит и анекдоты травит, как пацан. И

отношения у нас с ним необычные. То ли как у учителя с учеником, то ли просто как у напарников... не разберешь.

Я вытащил кисет с остатками табака, свернул самокрутку. Курю я мало, только если выпью или после стресса. Михаил смолит больше, поэтому дефицитный табак у него постоянно заканчивается, и он страдает от никотиновой голодухи. Раскурив самокрутку, первым делом передал ее напарнику, тот сделал пару глубоких затяжек и сказал:

— А ну, пройдишь.

Взяв самокрутку и тоже со смаком затянувшись, я встал. Осторожно перенес вес на раненую ногу, прислушиваясь к ощущениям, сделал несколько шагов. Нормально. То есть не нормально, конечно, какое уж тут нормально с такой дырой, но – терпимо, могло быть и хуже.

Горбун в яме вдруг вострубил дурным голосом и бросился в атаку на стенку. Въехал в нее центральным, торчащим из-под нижней челюсти рогом, поворачивая, буравя глинистую почву, вытащил, развернулся и снова забегал.

Михаил выпрямился, повел плечами. На нем были такие же, как на мне, камуфляжные штаны, заправленные в высокие черные ботинки, и серая охотничья куртка. Моя, похожая, только зеленая, лежала на жердях. Эти куртки вместе со штанами, ботинками, палаткой и бруском серебра на триста грамм мы получили с год назад в оплату за то, что под Белой Церковью помогли одним старателям отбить их схрон с артефактами у пришедшей с юга банды.

— Иди на стоянку, а то заявится кто-нибудь и палатку унесет, — сказал Михаил. – Поужинать приготовь. Всё, мы дело сделали. Я дождусь, когда горбун отправится в мир иной, голову отрублю и притащу.

— Он меня проткнул, Миха! – возмутился я. – Я убить его хочу. Мечтаю прям.

Напарник почесал лейкопластыревую наклепку на правой скуле - вчера поздно вечером брился и порезался в темноте.

— Вот ты задалбываешь иногда, Стэн. Иди на стоянку, говорю, без палатки останемся.

— Отомстить хочу, — заупрямился я. – Возле сарая все равно никого никогда не бывает, кроме нас. Мечь – это хорошо.

— Мстить полезно для душевного здоровья, не спорю. Но в данном случае ты имеешь дело не с человеком, а с неразумным зверем. Знаешь, как

один мужик умный сказал: прощают только недостойных мести. Этот хрен рогатый внизу как раз недостойн. Он же не понимает ничего.

— Сам говорил, что у них зачатки интеллекта.

— Вот именно, что только зачатки.

Я продолжал напирать:

— Башка такого самца весит килограмм тридцать, не меньше. Плюс освежевать же надо, мясо хоть и жесткое, но ты что, его бросить хочешь? Бесхозяйственно это. Завялить, засолить надо, может, часть к Сигизмунду снести или поселянам продать... Как ты в одиночку все потащишь, мы ж собирались волокушу для двоих делать. Сам не донесешь.

— Ты тем более не донесешь с такой-то ногой.

Он задумчиво огляделся. Давно перевалило за полдень, в кронах деревьев гулял ветер, шелестел листвой. Начало осени – уже прохладно, но морозов пока нет, ночью мы спали без костра. От небольшой дубравы, где устроили ловушку, было километра три до Ореховки, которая находилась на юго-западе. А к востоку от нас лежало большое пятно Леса, накрывшего Полтаву. Оттуда, из смертельной для людей мутировавшей чащи и появлялся этот кабан-горбун, так доставший поселян.

Мне в голову пришло, как мы можем в этой ситуации поступить, но напарник уже и сам озвучил:

— Стоянку надо сюда перенести. Сарай, конечно, привычней, но... Короче, оставайся здесь, жди, пока горбун сдохнет. Я возьму скатки, рюкзак и приду. А ну, посмотри на меня.

Я посмотрел. Он взгляделся в мое лицо и спросил:

— Голова не кружится? Блевать не тянет?

— Да нет, все путем. Рана – и рана, впервые, что ли. Я в норме.

— Ладно, жди. Скоро буду.

Миха взял у меня самокрутку, в последний раз затянулся, вернул и ушел. Я докурил, накинул куртку. Погрозил кулаком горбуну. Тот фыркал, тяжело топтал по дну ямы, иногда останавливался и мотал башкой. Шеи у этих тварей почти нет, тулово переходит в угловатую голову с торчащими вкривь и вкось рогами. Глаз на ней не видно, только темные щелочки в складках жесткой щетинистой шкуры.

— Пристрелить бы тебя, урррод! – в сердцах сказал я, все еще раздосадованный тем, что на ровном месте заполучил дыру в икре и головную, вернее, ножную боль на ближайшие дни десять.

Горбун в ответ, глухо замычав, упал на бок, и тогда стало видно, что брюхо у него все в крови. С трудом он поднялся, снова побрел по кругу. Жалко мне его не было ни грамма. Жалостливые в наше время долго не живут. Мутант был причиной смерти как минимум одного человека, из-за него ореховцы лишились нескольких коз, что для поселян вполне могло означать скорый голод и смерть еще многих людей... Короче, в яме подо мной находилось исчадие Леса, подлежащее жесткому уничтожению. Только так, и никак иначе. За эту работу нам пообещали двадцать армейских патронов для «тигры», тридцать – для моего короткоствола, блок охотничьих спичек и пять больших банок тушенки. Основная валюта, которую берут везде – старые монеты по одному и десять рублей, а еще серебряные и золотые слитки. Второй валютой можно назвать патроны разных калибров. Из-за Пандемии, как утверждает Михаил, погибло примерно девяносто – девяносто пять процентов населения. Соответственно, боеприпасов, которые хранились на военных складах, в процентом соотношении к числу живых сразу стало в разы больше. Только поэтому мы пока стреляем, а не носимся по лесам с луками и арбалетами.

Мне хотелось быстрее вернуться в Ореховку еще и по другой причине: когда мы уходили на охоту, дочка поселкового старейшины Лерка очень многозначительно глядела на меня, а на предложение познакомиться поближе ответила в том смысле, что если вернемся с башкой убиенного кабана – то я могу кое на что рассчитывать.

И тут горбун издох. То есть, по выражению Михи, отправился в мир иной. Дубаря врезал. Копыта отбросил, стало быть. Кстати, даже раньше, чем я ожидал. Он вдруг тоскливо, утробно замычал и начал пятиться. Впервые я такое видел: пятащегося самца-горбуна. Ни от кого они не пятятся, даже от темных леших, даже от медведей-шатунов, но сейчас кабан, должно быть, узрел перед собой страшный лик своей кабаньей смерти. После чего снова завалился на бок, брыкнул ногами – и отдал Лесу душу.

Я выждал минут пять, чтоб удостовериться. Мутант не шевелился. Бросил в него несколько камней, причем парочка угодила по брюху, прямо по ране – ни один горбун такого не вытерпел бы – взял жердину подлиннее, потыкал в тушу: да, клеила ласты свинка.

Вооружившись топором, спустился вниз. Подобрал нож, которым отесывал колья, подступил к горбуну со стороны брюха и ткнул в рану. Он не шелохнулся. Точно, спекся братан. Я взялся за топор. Такую шею рубать –

все равно, что дерево средней толщины. Позвонки там как колоды, а шкура просто дубовая.

Ладно, не впервой. Я поплевал на ладони, ухватил топор покрепче, поднял над головой. И замер.

Опустил, недоуменно нахмурившись. Вслушался. Показалось – или был выстрел? Вроде, за лесом...

Бах... Бах...

Еще два. Что такое, кто там стреляет?

Со дна ямы невозможно было определить, откуда донесся звук. Вот черт, а если это Миха на кого-то напоролся?! Времени прошло прилично, он сейчас уже должен заканчивать сборы или даже назад идти.

Бах...

Так, плохо дело. Я снова вылез из ямы.

Выстрелы больше не раздавались. За небольшим леском, где мы устроили ловушку, была низина, а дальше – маленький холм, не холм даже, так, пологий земляной горб. Приставив к плечу покрытый беличьим мехом затыльник приклада «махновки», я поднялся по склону и тогда услышал шум моторов вдали. По звуку судя, ехали мотоциклы.

На вершине холма стоял сарай–развалюха, окруженный высокими лопухами. Покосившиеся стены, крыша в проломах. Под ней мы и разбили стоянку. Здесь никогда никто не бывал, кроме нас, сколько мы сюда не приходили, ни разу ни одного человека не видели, и следов тоже. Когда много охотишься в одной местности, образуются какие-то точки, которые используешь для стоянок чаще других, подходящие тебе по различным причинам: доступность, безлюдность, обзор, безопасность... Сарай на холме у дубравы был одной из них.

«Махновка» легкая, всего два с половиной кило. Спусковой крючок у нее слишком короткий, но я к нему привык, палец плотно лежал в выемке. К тому же неудобная пистолетная рукоять ТОЗа давно была заменена на более комфортную, от «Сайги». Плюс – у ТОЗа при сложенном прикладе автоматически запирается спуск и стрелять нельзя, но в этом ружье мы кое-что подправили, теперь вести огонь можно было даже со сложенным прикладом, и это уже пару раз спасало мне жизнь.

Выставив вперед ствол, я шагнул к пролому в торцевой стене сарая. Заглянул.

Засосало под ложечкой, волна холода сбежала вдоль позвоночника. В сарае никого не было. Никого и ничего, то есть вообще – ни скаток, ни свертка с палаткой, ни рюкзака. Сквозь дыры в крыше падали столбы света, озарявшего большое помещение с дощатым полом. Из щелей проросла трава, по углам груды земли, в центре сарая – почерневший лист железа для костра, с кучей углей и золы.

Лес заberi! Куда напарник делся?! Неприятные мысли полезли на ум, я вспомнил байки про исчезнувших людей, которых какие-то странные твари утаскивают к себе в Лес, вспомнил про Боярку – городок под Киевом, где, говорят, в один прекрасный день пропали все жители, причем ни крови, никаких следов боя, ничего от них не осталось...

Но тут кровь есть. Вон влажные темные пятна на стене возле пролома, зияющего в другом конце сарая. Напряженно поводя из стороны в сторону стволом «махновки», я прошел к пролому и выбрался наружу.

Лопухи были смяты и сломаны. Я побежал, выскочил с другой стороны зарослей – и увидел далеко-далеко посреди большущего луга едва различимые машины. Что это там, вроде, пара мотоциклов с чем-то побольше... квадроцикл, нет? Бинокль бы! Но нет у меня ни бинокля, ни снайперского прицела, ни черта такого нет, — а оно эх как сейчас бы пригодилось! Невооруженным глазом разглядеть подробности не удалось, к тому же позади тачек в воздухе расплывалось серое пятно выхлопов. Почудилось только, что на одном из байков маячит нечто алое, вроде ездок был в красном плаще или рубахе.

На краю луга обнаружили колеи со следами шин, и я, присмотревшись, решил, что помимо двух мотоциклов здесь побывал еще трицикл. Всякой колесной техники не так много в округе, в смысле, той, что на ходу. Напряг с топливом – где его взять? Бензин за несколько лет теряет свои свойства, легкие фракции испаряются, как плотно ни закупоривай канистры с цистернами. Дольше хранится топливо с низким октановым числом, но и его теперь, спустя десяток лет после Пандемии, достать сложно. Хотя бензин восстанавливают спец-добавками, но их хрен где достанешь. Есть еще, конечно, соляра, она стои^т дольше, особенно если хорошо закрыта, но и ее не так просто найти. Поэтому, хотя брошенного транспорта в округе полно, ездят на нем немногие.

На мотоциклах предпочитают передвигаться кочевники Черного Рынка. Байкеры. Трициклов я среди их автопарка раньше не замечал. Хотя

не такой уж я следопыт, мог и ошибиться, но судя по колеям, все же не ошибся. Трицикл – редкость, по нему можно будет найти эту банду. Наверное.

От беготни сильно разболелась нога. Прихрамывая, я вернулся в сарай и присел возле кострища.

Бригада байкеров вполне могла, случайно обнаружив нашу стоянку, позариться на снарягу и припасы. Но они бы убили Миху. Или бросили здесь раненого, хотя скорее все же убили, чтоб не оставлять за спиной потенциального мстителя. Кочевникам просто незачем увозить моего напарника с собой — ни живого, ни мертвого.

Так почему они забрали его? Я начал вставать, чтобы снова выйти наружу и обыскать округу, вдруг тело Михаила лежит в зарослях, но заметил, как что-то блеснуло под краем железного листа. Запустил туда пальцы и достал кулон на титановой цепочке.

Нахмурившись, повертел в руках. К этой штуке я до сего момента ни разу не притрагивался. Не мог кулон просто так слететь с шеи Михи и попасть под лист. Скорее, когда кочевники наскочили, напарник его с себя сорвал и сунул туда. Спрятал, чтоб им не достался. И, возможно, чтобы я нашел. Он ведь понимал, что я буду тут осматриваться, пытаюсь сообразить, как всё случилось. Я потер лоб. Выстрелов было четыре, и сколько их сделал Михаил из своей «тигры», неизвестно. Наверное, его ранили. И – раненого – схватили, потому что вряд ли он добровольно пошел бы с кочевниками. Схватили, скрутили и увезли. Но напарник оставил мне кулон.

Я еще раз оглядел его. Металлическая пластинка с «ушком», куда продета тонкая цепочка. Черт знает, для чего эта штука нужна.

Потом я заметил рисунок на железном листе. Рядом с остатками костра углем был накарябан круг, а в нем буква «V», перечерченная зигзагом, смахивающим на молнию. Это Миха нарисовал, что ли? Какое-то послание для меня... Только вот никаких ассоциаций рисунок не вызывает и ничего мне не говорит.

Короче говоря, хреново дело. Главное, совершенно непонятно, за каким мутантом его увезли кочевые байкеры. Ребята они опасные, держаться с ними надо очень осторожно. Кожанки, шипы, заклепки, наркота, карты, стволы и тачки, небритые рожи, черные перчатки, револьверы, обрезы, АКСУ, УЗИ, помповики... Колоритная смесь военизированного байкерского клуба и монголо-татарской орды – вот, что такое Черный

Рынок. Но мы-то, вроде, ничем не зацепили кочевников, не имели проблем ни с одной из группировок, банд и бригад. Или похищение как-то связано с прошлым Миши? Он на удивление скуповато говорил на эту тему, а про последние годы перед Пандемией не рассказывал даже когда крепко выпивал. По какой-то причине около пяти лет жизни стали тайной, которую напарник тщательно хранил. Связь с его родственниками оборвалась, живы ли они или нет – неизвестно. Сослуживцы, друзья... ни про кого я не слышал и не знал. Исключением был только Сигизмунд, бывший завхоз с армейской базы, с которым Михаил прятался до Пандемии, и к которому мы не раз наведывались. Сигизмунд держал на Черном Рынке шатер-кабак, иногда мы привозили ему мясо редких мутантов для кухни.

Черный Рынок – то еще местечко. Его центр, пропахший кострами, сладким дымком марихуаны, бензиновыми выхлопами, потом, порохом и кровью, называют Ставкой. Там обосновались Хан с приближенными и десяток-другой банд, составляющих костяк байкерской орды. В округе — стоянки других бригад, наемников, охотников, торговцев. Они клубятся там, как пчелы вокруг улья, то удаляясь, то слетаясь к центру, устраивая временные лагеря иногда на границе Ставки, а иногда далеко от нее.

Хорошо, что дальше делать? Я прошелся по сараю, перебрасывая кулон из руки в руку и звякая цепочкой. Когда друзей много, то это не друзья. Друг всегда только один – настоящий. Остальные, которых ты считаешь таковыми, на самом деле лишь знакомые и приятели. Не смотря на разницу в возрасте, Миша из учителя давно превратился в друга. Единственного друга, который был у меня за всю жизнь.

Я снова вышел из сарая, сощурившись, поглядел в сторону, куда укатили похитители. Отсюда до Черного Рынка километров двенадцать, дойду засветло.

Надев на шею кулон, я перевесил ружье на грудь и захромал через луг.

* * *

Шум услышал на краю города. Хотя какой там город — сплошные развалины. Среди груд кирпича и шлакоблоков высилась относительно целая пятиэтажка, и за ней что-то происходило. На ходу я вслушался. Гул голосов, выкрики... Вроде, не дерутся там, но все равно надо быть начеку.

Я на ходу достал перчатки, натянул. Кожаные, с тканевым вставками и обрезанными кончиками пальцев. У перчаток был один секрет – маленький, но хороший. А то на Черном Рынке всякое может случиться...

Нога разболелась не на шутку, но я старался идти быстро. По заросшему колючим кустарником пустырю обогнул «хрущевку». И увидел толпу людей в черной коже, косухах и джинсах. По сторонам стояли тачки, в основном мопеды с мотоциклами, еще – пара раздолбанных грузовиков, укрепленный стальными трубами джип со срезанным верхом и легковуха с прибитыми к дверцам меховыми шкурами.

Много народу съехалось, судя по обилию автопарка, большинство окрестных банд подтянулось. Но зачем?

Толпа гудела и колыхалась, доносился гулкий голос – кто-то говорил в мегафон. Из-за голов я не видел, куда все смотрят. Оглядевшись, забрался на балкон нижнего этажа «хрущевки». Сквозь сломанную дверь открывался вид на давно разграбленную квартиру. У стены мерцали бледно-зеленым три изогнутые кристаллические колонны, отдаленно смахивающие на стеклянные деревья. Кривые, с наростами и ответвлениями, они мягко светились, внутри них то гасли, то разгорались изумрудные сгустки.

Жеоды, так эти штуки называются. А все образование целиком – аномалия «кристалл». Она радиоактивная и чаще всего возникает в помещениях. У старой аномалии жеоды светятся синим, ну а бледно-зеленый цвет говорит о том, что «кристалл» молодой и пока не излучает. Но и пользы от него нет: артефакты он еще тоже не формирует. Вообще, всякие странности на Земле начались незадолго до Пандемии, когда люди впервые обратили внимание на разрастающийся Лес. Я этого почти не помнил, но Миха говорил, что тогда стали появляться новые виды бактерий, насекомых, резко ускорились мутации, из-за чего вдруг полезло всякое ранее невиданное зверье. А потом ученые выступили с заявлением, которое всех поставило на уши: на территориях, захваченных Лесом (в то время он еще не был настолько опасен, и люди могли перемещаться по нему), происходит ускоренное разложение и переработка токсичных веществ. То есть Лес растворял в себе разное дерьмо, отходы, мусор и химикаты, которые мы тогда в огромном количестве производили. И потом создавал из них странные аномалии, иногда возникающие даже в местах, которые он вроде бы еще не захватил. Объяснений этой странной способности Леса было много. Некоторые считали, что его корни и мицелии успели протянуться

под землей на десятки километров под «чистыми» территориями. Другие – что Лес через электромагнитное поле способен дистанционно влиять на геофизические условия и таким способом подготавливает новые районы для экспансии.

Разговоры на эти темы любил вести Михаил вечером у костра, он же заставил меня прочесть несколько учебников из одной заброшенной школы. Но если отбросить все эти умничанья, то можно сказать одно: аномалии любых видов - штуки неприятные и почти всегда смертельные.

Хотя не очень-то уютно торчать рядом с «кристаллом», но этот был пока не опасен, если только не хвататься за жеоды. Из-за раненой ноги я не хотел перебираться на новый балкон, поэтому уселся верхом на ограждении и приставил ладонь козырьком ко лбу.

Толпа окружала давно пересохший большой круглый фонтан, в центре его была дощатая платформа, на ней хворост, а сверху лежал чернобородый мужик в одних штанах. Огромное бледное пузо его выпирало, как верхушка воздушного шара. Рядом на платформе пританцовывал патлатый малый в джинсовых бриджах и высоких «ковбойских» сапогах. Он орал в мегафон:

— Солдат – это профессия! Боец – черта характера! Воин – состояние души! Боха Хмель был могучим воином! Безвременно покинул он ряды Великой Орды, и горе наполняет наши сердца! Пуля подлого бродяги оборвала жизнь Бохи! И не радует нас, что бродягу того приколотили гвоздями к дереву – ничто не вернет нам нашего друга и соратника! Вечная память тебе, Боха Хмель, вечный почет и уважуха до скончания времен!

Толпа загудела громче. Патлатый поднял над головой усеянный заклепками черный ремень, с которого свисали чехлы для ножей и кобуры.

— А вот и ремень нашего безвременно скопытившегося Бохи, который сразу после похорон пойдет с молотка! Как и косуха безудержного Бохи из кожи пятнистого хряка, сапоги и платок! А еще — помповый ствол могучего Бохи Хмеля, великого воина и покорителя мутантов!

С этими словами ведущий церемонии бросил ремень в руки маячившей неподалеку от платформы длинноногой девицы в шортах и меховой курточке, надетой на голое тело. Рядом, под охраной трех вооруженных мужиков в черных касках стоял стол с разложенными вещами покойного. Подхватив звякнувший пряжками ремень, девица призывно

помахала им, качнула бедрами, будто предлагала в придачу к ремню и себя, и положила на стол.

Миха называл кочевников новыми варварами из-за дикарских обычаев Черного Рынка. Поговаривали, что некоторые банды даже занимаются жертвоприношениями, уж не знаю, человеческими или нет. Байкеры считали, что вещам, которые долго носил крутой боец, передается его сила. Якобы обычная косуха или даже бандана, перешедшая к тебе от преждевременно скончавшегося тертого чувака, может спасти от пули... Кто поверит в такое? А среди кочевников многие в это верили. Экипировка какого-нибудь мощного мэна либо сжигалась вместе с ним – чтобы в загробной жизни у него оставались вещи, делающие его сильнее – либо сразу на похоронах продавалась желающим, это зависело от предсмертных распоряжений покойника, либо от желания его приспешников и близких.

Патлатый в джинсовых бриджах торжественно извлек из кармана большую золотистую зажигалку. Блеснул огонек.

— А теперь настало время позажигать! – заорал он, и толпа взревела. — Да будет огонь!!!

Сотня стволов взлетела вверх, и грохот выстрелов заметался над развалинами. Часто замигали вспышки – у многих были обрезы, порох не успевал выгореть в коротких ствольных каналах.

Огонь разгорелся быстро, темный дым поднялся над фонтаном. Патлатый зайцем сиганул с платформы, чтобы не присоединиться на том свете к безвременно скопытившемуся могучему воину Бохе Хмелью. Должно быть, жар пошел нешуточный: ведущий церемонии отдал приказание охранникам, те с двух сторон приподняли стол и отнесли поближе к бордюру, опоясывающему фонтан.

Я привстал, заметив, что на бордюре сидят чернокасочники с автоматами – еще охрана, чтоб толпа раньше времени не начала делить наследство безудержного Бохи. Люди продолжали бесноваться, стрелять и орать. У многих были флаги, кочевники часто к ним прикладывались. Какой-то умник подбросил в воздух бутылку, пальнул по ней – осколки попадали на головы соседей, и те полезли на стрелка с кулаками.

А ведь если Боха Хмель и правда известный боец, то на похороны съехались все банды, чьи стоянки сейчас в этом районе. Конечно, кто-то мог и проигнорировать, но такое клан Бохи сочтет за оскорбление. На похоронах

временно прекращается всякая вражда, не появиться на них – равносильно плевку в лицо близким покойного.

Значит ли это, что и те, кто похитил Михаила, тоже здесь? Или хотя бы кто-то из них, представитель банды?

Я уперся в стену ладонью и выпрямился на ограждении во весь рост, кривясь от боли в ноге. Сощурился. Трудно толком разглядеть что-то в этой толпе, но хорошо видно, что среди техники, стоящей вокруг, ни одного трицикла нет. Насколько похитители могли опередить меня? Они ехали, я – шел, временами бежал, но хромая, а значит по-любому не быстрою. Но и они ехали не по нормальной асфальтовой дороге, таких почти не осталось, а по лугам и пустырям. Серьезную скорость не наберешь, тебя просто выбросит из седла, тачку перевернешь. Опередить меня бандиты могли часа на три.

Платформа пылала, запах гари накрыл округу. Надо идти. Шатер Сигизмунда примерно в километре отсюда, на краю городской площади. Поговорю с ним и решу, как быть.

Я уже собрался спрыгнуть, когда слева от фонтана мелькнуло яркое пятно... Какой-то парень в красной рубахе выбирался из толпы. Не тот ли это? Я присел на ограждении, наблюдая за ним. Незнакомец разболтанной походкой пошел в глубину городских развалин, и я спрыгнул, чтоб бежать следом.

Нога неловко подвернулась, боль сверлом пробуравила ее. Вскрикнув, я упал, перевернулся на бок. Приклад ружья врезался в ребра. А-а, поднимите меня семеро! Больно!!!

Я улегся на спину, прижимая колено к груди и обхватив лодыжку. Ощущение было такое, будто свалился с десятого этажа и вместо того, чтобы разбиться, выжил. Когда боль чуть уменьшилась, сел, затем кое-как выпрямился. Поправил ТОЗ на ремне. Очень осторожно перенес вес тела на раненую ногу, сделал для пробы шаг, другой. Вроде, отпустило немного. Время лечит – главное не сдохнуть во время лечения.

Хромая, я поспешил вслед за красной рубахой. По широкой дуге обошел толпу, чтоб случайно ни с кем не зацепиться. Здесь была куча пьяных кочевников, и любой мог приколупаться к тому, кто одет совсем не так, как они. Мой шмот на местный взгляд слишком... деревенский, что ли. Убогий. Для кочевых байкеров важен статус, и одеждой его всячески подчеркивают. Размеры черепов – тех, что нашивают на одежду или колют на запястья, предплечья и грудь – количество пряжек на косухе и штанах,

толщина цепочек... Всё это имеет свой смысл. Миха говорил, что байкерам Черного Рынка бижутерия с наколками заменили перья и раскраску индейцев. Я в своей охотничьей куртке, камуфляжных штанах и грязных ботинках смотрелся здесь как леший какой-то зачуханный. Это не значит, что каждый тут же попытается на меня наехать, ведь охотники и торговцы на Рынке крутятся постоянно, здесь ко всяким ромам и шмоту привычны. Но в разгоряченную пьяную толпу лучше не соваться.

Красной рубахи не было видно. Я попытался ускорить шаг, но добился лишь нового приступа боли в ноге. Прошел улицу, изрытую воронками, как от взрывов, потом ряд палаток, где обосновались торговцы, миновал бывшую СТО. Раньше она пустовала, а теперь на асфальтовом пятачке с ремонтной «ямой» и зданием автомастерской обосновалась какая-то банда, стоял грузовик с глухим железным кузовом, на нем сидели двое байкеров со стволами. А еще возле ямы находилась пара мотоциклов, один из них с коляской... но вот трицикла не видно.

Вечерело, солнце ушло за развалины. Городская площадь тоже была изрыта воронками, в небо торчали пласты изломанного асфальта. Земляные отвалы и рытвины поросли бурьяном. На другой стороне, меньше пострадавшей от боевых действий, стоял Шатер.

Выйдя на площадь, я огляделся. Мутантская задница – таки потерял кочевника! Хотя это мог быть совсем не тот, кто мне нужен, но мог ведь быть и он, и где теперь его искать? Через площадь протянулись длинные тени, похолодало. Скоро ночь. Приглядываясь, не мелькнет ли где красная рубаха, я зашагал к Шатру.

Движимая недвижимость Сигизмунда имела сложную конструкцию. Состоял Шатер из плотного армейского брезента, шкур, кожи, досок, фанеры и жести. От центрального купола расходились несколько коридоров, а еще к нему были приспособлены аж четыре палатки, причем две из них – большие, командирские, со своей планировкой. Все это, включая деревянные столбы, тросы-растяжки, дощатые и фанерные перегородки и навесы, создавало сложный, запутанный лабиринт. В нем было место для укромных спален, которые хозяин сдавал внаем, для двух гостевых залов, большой кухни и кладовых. В центре постройки пряталась бетонная будка бывшей трансформаторной подстанции, на которую Сигизмунд понавешивал замков и использовал под склад особо ценных вещей. А еще под шатром был глубокий холодный подвал-амбар для съестного.

Иногда Хан решал, что пора сниматься с места, и Черный Рынок переезжал на новое. Но здесь он стоял уже давно, Сигизмунд успел обжиться. Интересно, что он будет делать с Шатром, когда Хан вновь надумает переселяться?

Нога все не успокаивалась. Подволакивая ее, я подошел ко входу, возле которого на табурете восседал здоровяк в джинсах с кожаными заплатами на коленях и расстегнутой до пупа клетчатой рубашке с оторванными рукавами. Он уже давно искоса наблюдал за мной, а когда я приблизился, смерил скептическим взглядом и лениво бросил:

— Из Леса вестимо?

— Сиг здесь? – Я шагнул в проем.

— Стоять! Куда прешь, морда лесная?

Я повернулся к нему. Огромный как боров и, кажется, такой же тупой. К стулу был прислонен черный резиновый молоток с длинной рукояткой. Вышибала, ясно.

Он вытянул ногу и словно бревном перегородил ею путь.

— Ну, че внутри забыл? На шару не наливаем.

— Скучно тебе? – спросил я. – Развлекаешься, клиентов от заведения отваживаешь?

— Да какой ты, к мутантам, клиент? У самого даже на шмот людской монет нет, клиент нашелся!

На его правом бицепсе – внушительном таком, как три моих – был набит бычий череп. Ухмыльнувшись, вышибала плюнул мне под ноги и попал на ботинок.

— Вали назад в свой Лес, рыло мохнатое.

Я заметил:

— Визгливей всех лают дворняги. Они же слабее всех кусают.

До него дошло не сразу. Секунды три, не меньше, длилось постижение тайной истины, сокрытой в моих словах, а потом на здоровяка снизошла... нет, не благодать – на него снизошла злость. Он начал привставать, ощерившись, и тут позади меня раздался женский голос:

— Кирпич, ты ваще оборзел, ты что себе позволяешь?

Я кинув взгляд через плечо и поэтому пропустил удар – вышибала по прозвищу Кирпич, схватив резиновый молоток, врезал им меня в грудь.

Ноги подкосились. Упав на спину, я попытался сесть, но он пнул меня широкой подошвой в лицо и опрокинул назад, разбив губу.

— Лежать, мутант! Когда тебе человек говорит лежать – ты лежишь, когда говорит ползти – ползешь! Понял, рыло?!

— Кирпич, прекрати!

В поле зрения появилась темноволосая девушка с ведром в руке, схватила вышибалу за плечо, тот пихнул ее, и она едва не упала.

Зря он это сделал. Нет, не ударил девчонку, на нее мне было пока что начхать. Зря он отвлекся, то есть повторил мою ошибку, и при этом стоял совсем рядом, прямо передо мной.

Я резко сел. Прямой хук правой, так это называет Миха. Только нанес я его не в челюсть, как положено, а в туго обтянутый джинсой пах. Не так-то легко ударить действительно сильно по причинному месту, когда удар направлен не снизу вверх, а горизонтально. Но ведь перчатки! Все дело в перчатках!

Тканевые вставки на суставах были двойные, между ними закреплены стальные шипы. К тому же ведь не просто так я тренировался годами, вколачивая кулаки сначала в подвешенные на стенах мешки с песком, а после и в сами стены, и в стволы деревьев во время стоянок, получал удары от Михи и бил его...

В каждом «пальце» было по два шипа, и между ними закреплена стальная «терка» с выступающими пирамидками, приходящаяся на нижнюю фалангу. Это на случай нормального удара кулаком, а можно еще бить «леопардовой лапой», тогда верхние шипы торчат вперед, как таран, этот удар особенно опасен, если направлен в горло или в переносицу...

Но сейчас я нанес обычный боксерский удар. Со всей силы, помноженной на раздражение. Мне не было абсолютно никакого дела до этого бычары, не хотелось драться с ним, он сто лет мне снился со своей тупой байкерской заносчивостью. Надо было как можно быстрее разобраться с ним и двигаться дальше, а не устраивать проверку, у кого яйца больше.

Кирпич вскрикнул и отшатнулся. Прижав ладонь к причинному месту, взмахнул молотком...

Если бы я попал под такой удар, меня бы снесло как тростинку. Но я-то был мельче и шустрее этого кабана. Наплевав на раненую ногу, вскочил и тоже размахнулся – только двумя руками. Ладони сошлись к голове Кирпича и с очень громким, звонким, радостным хлопком врезали ему по ушам.

Такой удар может разбить барабанные перепонки. Сейчас этого не произошло, но в голове у Кирпича наверняка помутилось, а еще он на время оглох. И что-то там нарушилось, давление резко изменилось, что ли... вообще-то, подобное не типично для удара по ушам – из носа у него плеснулась кровь. Кирпич замычал и повалился на землю, мотая головой, разбрасывая красные капли.

— Ну, ты даешь! – подала голос девушка, про которую я, честно сказать, забыл.

Запястьем стерев кровь с губ, я глянул на нее. А ничего так, симпатичная. Надо же, ухитрилась почти не расплескать воду из ведра, когда ее Кирпич толкнул.

— Это ты правильно сделал, — признала она. Голос у нее был, как бы сказать... милый. Девушку с таким голосом сразу хочется обнять.

Кирпич с мычанием ползал у наших ног, пытаюсь одновременно держаться за пах и за оба уха.

— Нет у меня на все это времени, — проворчал я, потер грудь, ноющую после удара молотком, и перешагнул через вышибалу. – Мне Сиг нужен.

— Ну, так пошли, — девушка первая шагнула в Шатер.

— Давай ведро помогу нести, — сказал я вслед.

Она в ответ хмыкнула и поставила ведро на земляной пол.

— Надо же, галантный попался. Помогите.

Я на ходу подхватил ведро и тихо ругнулся от боли в ноге. Девушка спросила:

— Вы с Сиггом знакомы?

— Ага. Я тут бывал много раз, но ни тебя, ни Кирпича раньше не видел.

— Значит, давно бывал. Я в Шатре уже с месяц работаю, а Кирпич еще дольше. И кстати, меня зовут Ксюшей. Это я так, на всякий случай говорю, а то тебе может и не интересно...

— Интересно. Я — Стэн. И как ты к Сигу попала, Оксана?

— Ксюша, — поправила она. – У меня отец умер, кожевник, мы на Рынке жили. Они с Сигизмундом приятелями были, отец перед смертью с Сига взял обещание, чтоб тот меня к себе на службу принял. Теперь я здесь разносчицей.

— Официанткой, значит.

— Ага, и за бармена еще. Сиг твой...

Она снова глянула на меня и промолчала. Хотела, должно быть, сказать, что Сигизмунд – скупой хрыч и нагружает ее работой, но не решилась, так как не знала, какие у меня с ним отношения и не сболтну ли потом ему.

Но я девчонку уже не слушал, потому что увидел парня в красной рубашке. Еще на нем были кожаные штаны с бахромой по швам, а на шее повязан платок салатного цвета, в черных черепахах. К правому бедру пристегнут чехол с обрезом, из узкого кармашка на левом бедре торчит складной нож. Волосы длинные и собраны сзади в «хвост».

Нож я узнал. Лесом клянусь! – тот самый, армейский СQC-11, со сломанным wave-крючком на спинке клинка. Крючок этот умные люди придумали для того, чтобы нож быстро раскрывался, когда достаешь его из кармана. Короче, это был складной нож Михи. Или ошибаюсь, в кармане у кочевника другой клинок, похожий? Чтобы убедиться, нужно заставить краснорубашечника его достать.

Он сидел за столом в одиночестве и пил из глиняной кружки. При виде нас оживился: подтянул ноги, расправил плечи. Нет, при виде Ксюхи, а не нас – на меня кочевник внимания не обратил.

Разносчица тоже заметила кочевника и умолкла. Я шел за ней. Подваливать сейчас к этому красному нельзя. У меня нет никаких доказательств, да если бы и были... Почему бы какой-нибудь банде Черного Рынка не ограбить стоянку охотников и не похитить одного? Может, чтобы рабом его сделать. Они в своем праве, никто за меня и Миху не заступится.

Нужно заставить этого красного достать нож из кармана, тогда буду знать точно. Но не устраивать же драку прямо сейчас, без всякого повода. В зале еще несколько кочевников, и все впишутся за него.

Девушка остановилась возле стойки, сложенной из ящичков, поверху обитых досками. Встав рядом, я огляделся. Стойка находилась на краю круглого зала с небольшими окошками. Потолок высокий, в центре его подпирало вкопанное в земляной пол бревно, вокруг стояли лавки и столы. Паренек лет тринадцати разжигал огонь в каменном очаге с вертелом, на котором висела освежеванная свинья, но не мутант, обычная. Красно-розовые бока ее влажно поблескивали. Над очагом в потолке было круглое отверстие, куда уходила жестяная труба вентиляции с раструбом в нижней части.

Людей в зале было шестеро – трое кочевников резались в карты и пили, еще двое ужинали, ну и краснорубашечник... Он как раз встал и направился к нам.

Лицо у него было того типа, который нравится глупым женщинам: смазливое и наглое. Наглость они путают со смелостью, а смазливость – с красотой.

— Ксюха, ты ж вечером тут, как всегда? – осведомился краснорубашечник, проигнорировав меня, словно я был табуреткой.

— А тебе зачем, Борзой?

— Сама знаешь – зачем мне! – хохотнул он. – За тем самым. Нам пора поближе познакомиться, теснее, слышишь? Короче, я загляну, прогуляемся.

— Никуда я с тобой не прогуляюсь!

Он ухмыльнулся, заломив бровь, с нахальной уверенностью, что для него «все женщины открыты».

— А куда денешься! Короче, жди, вечером у нас свиданка.

С этими словами Борзой окинул девушку взглядом с ног до головы, будто раздел ее глазами, и ушел.

— Козел! – высказалась она, когда он покинул Шатер.

Попробовать проследить за ним? Но пока окончательно не стемнело, Борзой может меня засечь. Рисковать не хотелось, слишком рано, ведь еще ничего не ясно. Если Ксюха его знает – поспрашиваю ее, но позже, чтоб не насторожить внезапным вниманием к ухажеру. Тут я заметил, что стоящая сбоку девушка разглядывает меня. Заинтересованно так разглядывает, и при этом наматывает на палец черный локон. Язык тела, мать его. Он не обманывает. Ладно, не до того сейчас. Всё в наших руках, поэтому их нельзя опускать. Миха где-то в округе, очень надеюсь, что еще живой — вот, чем нужно заниматься, а девушки потом.

— Ксюха, сколько можно ходить?

Из прохода в соседнее помещение, где раздавался лязг посуды, вынырнул хозяин с подносом, полным жратвы. Был он невысок, пузат, с большими залысинами и пухлыми короткими ручками. В фартуке. А еще Сиг был суетлив, насуплен и всегда чем-то озабочен. Вернее, не «чем-то», а тем, как заработать побольше и укрепить свое положение. Более приземленного и ушлого человека я не встречал.

— За водой ходила, – ответила девушка. – Сами же послали.

— За водой пять минут, а тебя пятнадцать не было. Держи! – он сунул поднос ей в руки. – Неси туда, видишь, Ваган со своими сидит? Они уже ждут, почему я сам должен подносы таскать?

Она взяла поднос и ушла к картежникам. Я поставил ведро с водой на пол, пожал протянутую руку.

— Вечно отлынивают, — пожаловался Сиг. – Видел похороны? Боха – один из бригадиров Хана. Часть толпы там останется бухать, а часть сюда завалится. Вы тоже, что ли, на похороны? Вы ж не кочевые, вам-то чего... А где Мишка?

— Где-то здесь, — неопределенно ответил я.

— В смысле? – лицо Сига стало настороженным. Нюх на неприятности у коротышки потрясающий, я еще ничего такого не сказал, а он уже встревожился. Именно это и помогало ему выживать на Черном Рынке, и не только выживать, но и, по местным меркам, процветать.

— Сиг, поговорить надо... — начал я.

Тут в зал ввалился Кирпич с обрезом в руках. Ходящий ходуном ствол смотрел в нашу сторону.

Иногда лучше сразу стрелять, чем говорить. Я без слов пихнул Сига за стойку, одновременно сделав ему подсечку, а сам повалился прямо на край стоящего рядом стола. С грохотом перевернув его на бок, свалился позади. «Махновка» уже была в руках.

Раздался выстрел. Столешница аж загудела, с моей стороны из нее выбило несколько щепок, но вся дробь застряла в дереве.

Донеслись тяжелые шаги – Кирпич бежал ко мне.

— Сдохни, падла лесная! – заорал он как сумасшедший.

Так, безумное веселье не остановить... Но мы попробуем. Он совсем рядом, и он здоровый. Не промахнусь. Не вставая, я лягнул табурет у стойки, перевернул его – это должно было отвлечь вышибалу хоть на секунду. Потом выставил над краем столешницы ружье и вдавил спусковой крючок.

Раздался крик и стук упавшего тела.

ТОЗ-106 лучше всего подходит для охраны, такой короткий ствол охотникам не сильно интересен. Хотя на животных охотиться с ним можно, особенно некрупных. Кирпич был совсем не мелким, но животным – точно. И ему вполне хватило, ТОЗ ведь у меня заряжен не дробью и не картечью, а обычным патроном. Пуля 20-го калибра – это тебе не горошиной из трубки плюнуть.

Она попала в бедро, как стало ясно, когда я, перезарядившись в рекордный срок, вскочил. Вышибала извивался на земляном полу, хрипел и вращал глазами.

— Вот ты debil! – с чувством сказал я, шагнув к нему. – У меня всего пять патронов осталось!

Носок ботинка врезался в голову Кирпича. Он хрюкнул и затих. Кровь текла из простреленного бедра, темной лужей расплываясь по плотно утопанной земле.

Вскочившие картежники приближались ко мне, и лица у них были отнюдь не добрые. Я шагнул назад, переводя взгляд с одного на другого, но тут из-за стойки показался Сигизмунд... и быстро решил все вопросы. Сначала он утихомирил кочевников, отправил обратно за стол, затем по его приказу бледная Ксюха притащила бутылку водки и налила всем присутствующим в зале клиентам по полстакана «за счет заведения». С кухни прибежали двое парней, помладше – Игорь, который недавно разжигал огонь в очаге, и постарше — Борька. Выглянул усатый повар, меланхолично оглядел происходящее и скрылся.

Сиг, отдав молодежи приказ унести и перевязать Кирпича, зло уставился на меня.

— Ну? В чем дело, охотник, ты какого хрена вышибалу мне завалил?

— Он без сознания, не мертв, — я сплюнул, все еще злой из-за потери патрона. Ко всему прочему только сейчас, в Шатре, мне пришло в голову, что топор, которым собирался отрубить башку горбуна, так и остался лежать на дне ямы-ловушки... Практически я теперь нищий: ружье, пять патронов, три железных рубля, нож и шмот с обувкой, которые на мне. Как прикажете спасти Миху с таким вещевым и боевым обеспечением?

— Сам же видел – он первый набросился, — добавил я.

— Не на ровном же месте! Значит, ты его раньше зацепил!

— Сигизмунд Петрович, Кирпич его внутрь не пускал и молотком ударил, — вмешалась Ксюха, но хозяин так глянул на нее, что она вжала голову в плечи и бочком убралась на кухню.

— Хотел войти, спросил тебя, — пояснил я, когда Сигизмунд снова повернулся ко мне. – Этот умник не пустил, стал оскорблять.

— И ты завелся?

— Наплевать на его оскорбления. Мне просто не до того, у меня важное...

— Не до того?! – он окончательно вышел из себя. – Ты мне нового вышибалу вырубил! А ну, вали отсюда, щенок, и больше не...

Я схватил его за шиворот, притянул к себе и прошипел, глядя в глаза:

— Кочевые Миху похитили. Я за ним пришел. Мне не до разборок со сраными вышибалами. Или ты успокоишься и нормально поговорим, или я тебя прямо здесь урою!

Он замер, уставившись на меня, потом оторвал мою руку от воротника, шагнул к проходу вглубь Шатра и бросил:

— Иди за мной.

* * *

— Проблемы с кланом Кирпича будут? – спросил я, садясь на лавку под стеной.

— Одиночка он, — буркнул Сиг, доставая из шкафа янтарную бутылку с двумя стаканами. – Бригадный бы ко мне в вышибалы не пошел.

— Ну, значит, и вопросов никаких нет. Выкинь его.

— А кто мне заведение охранять будет?

Я отмахнулся:

— Найдешь кого-нибудь. Кирпич все равно никакой боец. Слушай, пожрать у тебя тут есть что-нибудь?

— После пожрешь, здесь не держу. Пить будешь?

— Выпью.

В комнате Сига, расположенной в глубине Шатра, были обитые жестью дощатые стены, продавленный диван, два стула, стол и шкаф. Хозяин до половины наполнил два стакана и сел за стол напротив меня. В бутылке был его фирменный самопальный ячменный виски, которым Сиг потчевал только избранных клиентов и за большие бабки. Я взял из блюдца изюминку, поднял стакан, выпил залпом. Дыхание перехватило, потом желудок громко булькнул, и по телу пошли гулять волны тепла. Сигизмунд сделал маленький глоток и велел:

— Рассказывай.

Я рассказал. Хозяин слушал с мрачным видом, настороженно, и ясно было, что все это ему не нравится. История вышла недолгая, много времени не заняла. Закончив, я внимательно посмотрел на него. Мне нужна была опорная база на Черном Рынке. Такая, где я чувствовал себя хотя бы в

относительной безопасности. Шатер подходил лучше других мест. Но Сига нужно сделать своим союзником, заинтересовать, объяснив, что если я найду Миху, хозяин Шатра что-то с этого получит. Только что? У меня всего пять патронов да три рубля... Я сказал:

— Дичь на твою кухню два месяца будем поставлять бесплатно.

— Четыре месяца, — отрезал он. — Раз в неделю.

— Много хочешь.

— Ты желаешь спасти напарника или нет? Еще торгуешься!

— Не факт, что ты сильно поможешь... Ладно, четыре месяца, но раз в две недели, иначе слишком хлопотно выйдет, мы от Рынка вообще отойти никуда толком не сможем. Всё, забились?

— Ладно.

— Знаешь парня по прозвищу Борзой? — спросил я.

— Это фраер такой в красной рубахе?

— Он самый.

Сиг качнул головой:

— Ничего не знаю. Из новых, раньше его не видал, недавно появился.

— Что за банда, где их стоянка?

— Не в курсе я, Стэн. Но этот Борзой к нашей Ксюхе борзо так пристаёт, глаз на нее положил и явно хочет еще и руки того... на нее положить. Соответственно, она больше про него должна знать. Надо ее позвать.

Он налил мне еще и стал раскачиваться на стуле, покатывая свой стакан между ладонями и хмуро уставившись в него. Я глотнул виски, закусил изюминой и задал следующий вопрос:

— Если мы начнем расспрашивать, она не проболтается? Тому же Борзому?

— Он вроде ей не нравится... — возразил Сигизмунд не слишком уверенно.

— Это ничего не значит. Иногда у женщин «Нет» значит «Да», а «Да» значит «Да-да-да!». Может, Борзой этот ей противен, а может она просто ломается для порядка.

Сиг задумчиво отхлебнул виски.

— Все возможно. Она недавно у меня, дочка знакомого одного. В целом девка вроде правильная, но стопроцентно отвечать за нее пока не могу.

— Ну, значит и не надо ее в лоб расспрашивать, подозрения вызывать. Я у тебя ночую, и будет плохо, если сюда по мою душу заявятся те, с кем этот Борзой Миху выкрал...

— Но он точно один из похитителей?

— Я почти уверен. Почти.

— Ты ж, по твоим словам, издалека их только видел. А красные рубахи или там свитера тут не один Борзой носит.

— Но я вроде еще нож Михи узнал. Правда, только конец рукояти видел. В общем, этот Борзой обещал Ксюхе, что вечером опять подойдет...

— Кстати! – перебил Сиг. – Ты меня без Кирпича оставил. Так вот – займешь его место пока.

Я удивился:

— Какой из меня вышибала? Я ни ростом не вышел, ни мышцами.

— Без разницы. Махаться умеешь? Умеешь — вон, Кирпича вырубил.

— Ну и что? Для вышибалы грозный вид важен не меньше, чем умение драться. А у меня вид такой... средний. Обычный.

— Все равно, у меня других вариантов сейчас нет. Вышибала нужен. Скоро тут толпа будет. Напьются, тогда пойдут всякие того... эксцессы. Мои парни могут дубинками помахать, так что подсобят, если что. Только тебе шмот нужен более привычный, чтоб не лезли просто из-за того, что вид не такой. Я тебе выделю. Все понял?

Допив виски, я поставил стакан на стол и сказал:

— Ладно, поработаю у тебя и заодно понаблюдаю. С твоей Ксюхой ближе познакомлюсь, расспрошу.

— Правильно, как раз хорошее прикрытие для тебя. Никаких вопросов не будет, ну, нанял я к себе нового парня, кому какое дело. Короче, сейчас идем на склад, натянешь другие панталоны, потом Ксюху позовем, она посмотрит твою ногу, подлечит, компресс наложит. Потом пожрешь – как раз уже ночь, тут веселье в самом разгаре будет. Ночевать выделю комнату на задах, в нее ход и с общего коридора, и отдельный есть, со стороны пустыря. И тайник для ствола имеется.

Он встал.

— Все, хватит болтать, а то дел у меня много.

— Нет, подожди, — возразил я, — у меня еще один вопрос к тебе, важный.

— Ну?

Я замялся, подыскивая слова. Не хотел рассказывать Сигу про кулон и про оставленный углем рисунок – эти два момента я опустил, когда описывал ему произошедшее.

— Когда вы до Пандемии в последний раз виделись с Михаилом?

— А тебе это зачем сейчас? – удивился он.

— Ну, надо. Ответь.

— Лет, может, за пять или за четыре до того, как все случилось.

— И после того раза вообще не встречались?

— Нет. Только уже сейчас друг друга случайно увидели. Ну, ты помнишь, когда вы в первый раз на Черный Рынок заявились.

— А до Пандемии кем он был, в ту вашу последнюю встречу?

— Полковником был. Заведовал охраной армейских перевозок Уральского Военного Округа.

— Крутая должность, — заметил я. – Как думаешь, чем Михаил после заниматься мог?

— Ну, может теми же перевозками и заведовал? — Он направил к выходу, но приостановился и добавил, задумчиво оглаживая фартук:

— Хотя, если рассудить, был бы Миха на той же службе, я бы столкнулся с ним еще не раз. На самом деле он... ну, вроде как пропал куда-то. То есть последние года четыре перед Пандемией непонятно, чем он занимался. Может, уволился из рядов российской, понимаешь, армии, или наоборот в секретный какой проект угодил... А что, он тебе не рассказывал?

— Про это – нет. Скажи еще, Сиг, знак такой: латинская «V», перечеркнутая зигзагом, тебе ни о чем не говорит?

— Не-е, — он покачал головой. – Такого точно не знаю. Что за знак?

— Ладно, неважно, — ответил я, вслед за ним выходя в коридор и сквозь ткань нащупывая висящий на груди кулон.

* * *

Повязка с компрессом помогла, теперь рана беспокоила меньше. Одетый в потертые черные джинсы с дырой на колене и кожаную рубашу, я сидел на высоком ящике у стойки, потягивал кислое пиво из кружки и неторопливо оглядывал зал. Давно стемнело, народу в Шатер набилось прилично. От жарящейся на вертеле свиньи осталась едва ли половина, Ксюха и присоединившиеся к ней парни Сига, Игорь с Борькой, сновали от

кухни к столам и обратно, разнося жратву с выпивкой. Дважды мне пришлось отрывать задницу от стула, то есть от ящика, чтоб усмирить особо буйных кочевников, но до серьезных инцидентов пока не доходило.

После полуночи народ начал расходиться. Хотя в зале оставалось еще порядочно людей, но свежие клиенты уже не подваливали, и я поманил проходящую мимо Ксюху.

Она подошла с готовностью. Раскрасневшаяся, глаза блестят, грудь вздымается под блузкой.

— Еще пива, Стэн?

— Нет, так, поговорить просто. Не против?

Девушка выжидающе, с легкой полуулыбкой, смотрела на меня, и я спросил:

— Как тебе здесь?

— Ну, — Ксюха повела плечами. — Вроде нормально.

— Вроде?

— Да что тут может быть интересного? Бегаешь туда-сюда с этими подносами...

— А платит Сиг как?

— Ты сам вроде не догадываешься! Вчера вот рубль дал... Хотя, еще еда и жилье. Но все равно — он же скупой.

— Есть такое дело, — согласился я. — Но ведь и клиенты что-то подкидывают?

— Подкидывают, если с ними, — она повела подбородком в сторону брезентового коридора, уходящего от зала вглубь Шатра, — туда прогуливаться.

В том направлении недавно проследовала пара подвыпивших кочевников в обнимку с пьяной девицей. Я, кажется, узнал в ней ту, что на похоронах Бохи Хмеля стояла у стола с вещами покойного. Для чего эти двое повели ее туда, где были отдельные комнаты с койками, — и мутанту понятно.

— А ты, значит, «в номера» с клиентами не ходишь? — уточнил я.

Ксюха на такой откровенный вопрос не обиделась:

— Я девушка приличная и ищу себе мужчину серьезного, постоянного. Чтобы...

Она смолкла, поджав губы.

— Чтобы увез тебя отсюда? — догадался я.

Она смотрела куда-то мимо меня. Я оглянулся. Ну вот, наконец-то!

Красная рубаша – то есть кочевник по прозвищу Борзой – ввалился в зал вместе с парочкой приятелей.

Оба не понравились мне с первого взгляда. Один, в пятнистом комбинезоне, был какой-то снулый, с пустыми равнодушными глазами. Встречали мы с Михой таких: убийцы. Тихие, безучастные, часто – скрытые садисты, им перерезать человеку глотку в радость, хотя эмоции свои они не проявляют, не умеют. Второй – коренастый мужик лет шестидесяти с седой бородой, в кирзовых сапогах, брезентовых штанах и шерстяной фуфайке. Он смахивал не то на егеря, не то на крестьянина, лицо у него было грубое и жестокое.

Борзой, войдя в зал, сразу нашел взглядом Ксюху. Глянул на меня и отсалютовал девчонке. Отставив большой палец, ткнул им себе за спину, словно показывая ей, что приглашает выйти прогуляться прямо сейчас, и ухмыльнулся.

— Пришел, козел, — процедила Ксюха.

— Часто он к тебе пристает?

— Постоянно! Достал уже.

— А чего ж ты с ним неласково? Я смотрю, паренек видный, активный.

— Да не люблю я таких. Он как... как петух наглый.

— То он у тебя козел, то петух, — хмыкнул я. – Ты уж определись. А кто это с ним?

— Тот спокойный – Рыба, а второго, кажется, Кузьмой звать.

— Они из клана какого-нибудь? Из банды?

— Не знаю. Недавно появились. Боря, эй, Борька! – позвала она, когда троица проследовала за свободный стол. – Обслужи вон тех, видишь?

— Ты сама чего не пойдешь? – недовольно ответил парень, проходящий мимо с подносом, полным пустых мисок.

— А ты сам не знаешь – чего? Говорю, обслужи! Стэн, ты точно больше пива не хочешь? Сиг сказал тебе бесплатно наливать.

Я покачал головой, и Ксюха ушла.

Вскоре пиво дало о себе знать. Окинув взглядом зал, я решил, что, во-первых, никто не собирается в ближайшие минуты устраивать потасовку, а во-вторых, Борзой с приятелями пока что сидят на месте и никуда не уходят. Опустошив кружку, я покинул зал через проход за стойкой, миновал

кухню, коридор, свернул – и очутился возле брезентовый клапана, застегнутого на «молнию», которую фиксировал висячий замок. Достал кольцо с двумя ключами, полученными от Сига, раскрыл замок, отвел клапан и шагнул в отведенное мне помещение.

Каморка была совсем небольшая. Два с половиной на полтора, из мебели только вешалка и низкая койка, то есть доски на камнях, сверху шкуры да набитая соломой меховая подушка.

Одна стена каморки была не брезентовой, а деревянной, с дверью. Потолок наклонный и низкий, я почти цеплял его макушкой, хорошо, хоть пол не земляной – там ковер из шкур. В углу их можно откинуть, под ними в твердой земле углубление, а в нем — длинный сейф. Сиг сказал, что ниже еще на полметра залит цементный раствор, и к днищу сейфа приварены вертикальные штыри, наглухо уходящие в бетон.

Сейф был закрыт на цифровой замок, шифр от которого я также получил от хозяина. Набрал комбинацию, раскрыл дверцу – ТОЗ и патроны были на месте. Обычное ружье в ящик бы не влезло, но короткоствольная «махновка» как раз поместилась. Доставать ее я сейчас не собирался, только проверил сохранность. Все-таки оружие — самое ценное из того, что у меня на данный момент есть.

Проверив сейф, я обернулся к осколку зеркала, висящему на вбитом в стену гвозде. Поправил ворот кожаной рубахи, оглядел себя. Каждый видит в зеркале то, что он заслуживает, и каждый считает, что заслуживает большего. Лично я видел парня с худым лицом и темными, стриженными «ежиком» волосами. С тонким шрамом на лбу справа и еще одним на левой скуле. У мочки левого уха не хватало небольшой части, но это было почти незаметно. Накинув куртку, я провел по волосам ладонью, покинул каморку и запер дверь за собой.

Снаружи было темно, прохладно и сыро. Пока торчал в зале, прошел дождь — пахло влажной землей, но едва ощутимо, все забивал запах костров. Их по округе полно. Электрический свет, помимо того, что дают аккумуляторы машин, есть только в Ставке. Там у Хана стоят аж четыре разборных ветряка и, говорят, даже хитрые приспособы под названием солнечные батареи.

Позади Шатра никого не было, слышался приглушенный шум голосов, доносящийся из питейного зала. Рядом на фоне усыпанного звездами неба высилась башенка на крыше диспетчерской – когда-то здесь

находилась большая автобусная станция. Я не спеша, с чувством, помочился и зашагал к ней.

Ржавая пожарная лестница, опасно подрагивающая под руками, привела меня на верхний этаж. До катастрофы это был застекленный короб под крышей башни, вроде такого диспетчерского пункта наблюдения, теперь же от него остались только железные ребра. Пройдя по усыпанному мусором бетонному полу, я встал на краю.

Черный Рынок не спал. Горели огни, лаяли собаки. Пахло дымом. Развалины образовывали темный лабиринт, иногда по нему двигался свет фар, лучи выхватывали из тьмы части стен, остатки кирпичной кладки, кусты, груды земли и камней. Яркое пятно света горело там, где была Ставка. Я разглядел ветряки, мерно вращающиеся длинные тени от их лопастей.

По спине вдруг прошла волна дрожи, а в голове словно что-то сдвинулось. Лес заberi, неужели начинается... Точно! Я присел на корточки, подождал немного, но странные ощущения не проходили, а только усиливались. Пришлось усесться, скрестив ноги, и прикрыть глаза.

И сразу же в темноте под веками протянулась тусклая линия – неровная граница далеко на востоке. Граница Леса. В реальности я не мог разглядеть его отсюда, с верхнего этажа диспетчерской башни, но я видел его внутри своей головы.

Не только у Михи есть тайна, у меня тоже. Иногда мне казалось: он догадывался, что со мной что-то не так, но вслух мы об этом не говорили. Ни разу ни с кем я не обсуждал свои видения. **Мерцание**, как называл их.

Лес. Там, вдалеке – темный, странный, страшный. Чуждый людям. Разумный. Я смотрел на него, а он смотрел на меня.

А еще я видел **их**.

Они выглядели как тусклые светящиеся пятна. Ползали за той границей, где начинался Лес, клубились, меняя очертания. Иногда превращались во что-то знакомое, вроде силуэтов зверей или людей с очень длинными тонкими конечностями, без голов и ступней. Но чаще всего это были просто расплывчатые амебы, живущие своей странной жизнью среди лесных просторов, где не ступала нога человека.

Интересно, может я просто сумасшедший?

Иногда существа – я называл их **мерцающими** — подползали близко к границе, скапливаясь в одном месте, привлеченные непонятно чем. Может,

запахом? Запахом человеческой мысли? Может они чуяли меня, понимали, что я вижу их? А может никаких мерцающих нет, все это только мой бред? Что, если я просто больной на голову псих, которому надо лечиться, да негде!

Эта мысль пугала больше всего.

Несколько минут я сидел неподвижно, с закрытыми глазами глядя на мерцающих. Множество их собралось у границы Леса, они ворочались, слипшись в рыхлую световую массу. Еще я слышал тихий шепот — непонятный, глухой.

Потом они стали отползать, бледнея, растворяясь в безграничном мраке Леса, и вскоре исчезли. Померкла неровная светящаяся граница, стало совсем темно.

Раскрыв глаза, я выпрямился. Помассировал виски. Немного кружилась голова, в ногах была слабость. Интересно, когда-нибудь я попаду в Лес? Там не выживают, говорят, лишь некоторые люди из поселения Край могут находиться в нем. Краевцы вообще чудной народ. Еще говорят: есть особые настойки, выпьешь такую – и можешь какое-то время гулять по Лесу, не опасаясь его реакции, взрыва спор из ульев, атаки зверья, Шторма или другой напасти, которую он способен наслать. Только кто их готовит, те настойки? Лично я не видел ни одного такого умельца.

Хорошо иметь свою большую тайну, нечто, отличающее тебя от других людей. Но плохо, когда эта тайна пугает тебя самого. Когда абсолютно не можешь понять, что всё это значит. Я просто не знал, что делать с приступами мерцания.

Руки дрожали. Спустившись по лестнице, я постоял, привалившись лбом к стене диспетчерской, а затем пошел обратно в Шатер, но не знакомым путем, а в обход.

Было уже совсем поздно – то есть так поздно, что скоро станет очень рано. Обогнув заведение Сигизмунда, я вошел внутрь. Увидел, как у стойки Борзой держит за локоть Ксюху, и поспешил к ним через зал, натягивая перчатки. Кинул взгляд на стол, который кочевник занял с двумя друзьями – тех уже не было. Ушли спать или допивать в свой лагерь, а он, значит, решил нагнуть таки девчонку...

В зале оставалось меньше десятка байкеров, и большинство едва держалось на ногах. Сига не видно. Борька за стойкой протирал стаканы, молодой Игорь снимал вертел с очага, где дотлевали угли.

Борзой крепко держал Ксюху, не давая высвободиться. Я остановился за его спиной.

— Хватит ломаться уже, – говорил кочевник, – надоело тебя уговаривать. Ну, пошли!

Он грубо ухватил ее за плечо, потянул... а я грубо ухватил его за свисающий на спину «хвост». И тоже потянул: резко книзу, откинув голову назад, потом – вбок, разворачивая к себе. Он крикнул от боли и попытался в повороте врезать мне локтем. Я отступил. Теперь мы стояли лицами друг к другу, боком к стойке. За ней Борька вылупил на нас глаза.

— Ты... а, вышибала! – прохрипел Борзой. — Охренел, быдло тупорылое?! Я тебе уши отрежу!

— Семь, — сказал я, окидывая взглядом его ярко-красную рубаху, штаны с бахромой, шейный платок, золотой браслет на запястье.

— Чего?!

Я пояснил:

— Сначала думал – десять. А теперь вижу — нет, семь.

— Блин, ты че несешь?!

Левой он потянул из кармана нож. Я понял, что бить им Борзой не собирается, по крайней мере, прямо сейчас. Обманный маневр, чтобы отвлечь внимание от правой руки – которая в это время сжала глиняную кружку на стойке. Ту самую, из которой пил я. Ею бандит собрался сбоку вмазать мне по голове. Он даже двинул локтем руки, которой держал нож, чтобы еще сильнее сбить меня с толку. И в тот же миг ударил кружкой.

Раз! – я упал. Нет, не в прямом смысле, просто расслабил и подогнул ноги, будто провалился вниз, мгновенно присев на корточки, правая рука вытянулась вперед – и стальные шипы перчатки вломились в коленную чашечку Борзого. В это время кружка пронеслась над моей головой.

Два! – левая рука наискось вверх, второй удар – шипами по локтю – Борзой вскрикивает, до него только сейчас доходит, что он получил уже два... нет – три! – очень болезненных удара. Я выпрямляюсь, нога взлетает, колено прижато к диафрагме, распрямляется – и подкованный каблук врезается в бедро – четыре! — сбоку, поскольку в результате собственного замаха Борзой развернулся влоборота ко мне. Пять! – он грудой костей падает на пол — шесть! — наклонившись, выдергиваю нож из его кармана, отщелкиваю клинок, приставляю к горлу и говорю, внимательно глядя в глаза:

— Семь. И у тебя десять секунд, чтобы свалить. Потом зарежу.

Выпрямляюсь, слегка морщась от проснувшейся боли в ноге. Всё.

Миха говорил: ты никогда не будешь силачом. Ты жилистый, но не мощный. Гибкий, но не очень-то сильный. Не обольщайся насчет себя. Любой увалень сомнет тебе ребра кулаком, если попадет. Смысл в том, чтобы использовать свои плюсы и не дать врагу воспользоваться минусами. Первое: работай по суставам. По ним нужно наносить короткие быстрые удары. Второе: действуй неожиданно и резко. Неожиданность, запомнил? Только на ней сможешь выехать в драке. Быстро входи в клинч и сразу отскакивай. Позволишь себя схватить – тебя сомнут. И в подтверждение своих слов он во время очередного спарринга, если я не успевал вывернуться, хватал меня в медвежьи объятия, сдавливал так, что хрустели ребра. Еще напарник тренировал «работать по суставам». Колени болели, локти ныли, саднило кулаки, я месяцами ходил в синяках, но постепенно костяшки пальцев и мягкие ткани твердели, привыкая в нагрузке, и я учился наносить все более короткие и резкие – «кинжальные», как Миха называл их — удары.

Борзой встал на четвереньки, преодолев таким манером ползала, выпрямился. Хромая, плетью свесив правую руку, он покинул Шатер.

Я защелкнул нож – тот самый, Михин! – шепнул глядевшей на меня вытаращенными глазами Ксюхе: «Я вернусь» — и нырнул в коридор за стойкой. Пробежав его, раскрыл клапан в свою комнату, вытащил из сейфа ружье, выскочил через дверь, запер ее, рванул в обход Шатра. И очутился по другую сторону как раз вовремя, чтобы увидеть, как силуэт в красной рубашке удаляется, хромая, между развалин. Пригибаясь, я поспешил за ним. Он приведет меня на стоянку банды похитителей.

Пора было разобраться с уродами.

Часть ВТОРАЯ

Люди и уроды

Скоро стало ясно, куда направляется Борзой.

Поняв это, я кивнул сам себе: так вот, в чем дело. Хорошо, что стоянка бандитов недалеко, но если Миха жив – где именно они спрятали его?

На бывшей СТО горел костер, вокруг сидели трое, еще одного я увидел на кузове крытого грузовика, а пятый расположился на крыше авторемонтной мастерской. Причем последние двое там не просто так сидели, это были вооруженные охранники. Периодически они начинали оглядываться, крутили головами, иногда вставали и прохаживались. Интересно, зачем охранять лагерь, который находится почти у самой Ставки? Здесь некому напасть. Разве что другая банда решит наскочить, конкурирующая.

Так или иначе, они насторожены и чего-то опасаются. И это плохо.

Когда стало ясно, что Борзой идет напрямик к костру, я пригнулся еще ниже, перебежал от дерева к кустарнику, а оттуда – к большому куску бетона, лежавшему на границе стоянки. Присел за ним и очень осторожно выглянул.

Ясно было, что дальше двигаться нельзя: костер горел ярко, и если не с грузовика, так с мастерской меня точно засекут. Ладно, что мы тут имеем?.. Прямоугольник асфальта, на нем – длинное здание мастерской, ворота выломаны, виден большой зал. Перед мастерской, задом к ней, стоит грузовик. Слева от машины ремонтная «яма», справа – костер. Я сейчас гляжу на все это спереди, то есть нахожусь перед покатой кабиной грузовика.

На машине сидел охренеть какой огромный мужик, метра два, если не больше. Я не мог понять, что у него за ствол, но было такое впечатление, что это ручной пулемет. А вот часового на крыше мастерской почти не видно – только силуэт, едва подсвеченный снизу.

Вокруг костра лежали шкуры, на них и устроились трое бандитов. Доносился запах жареного мяса и крепкого курева. Двоих я узнал: Рыба и Кузьма. Бородач курил, неторопливо затягиваясь, уголек самокрутки разгорался и угасал. Третий сидел ко мне спиной. Обычного роста, бритый череп, очень широкие плечи. Пока больше о нем сказать нечего.

Ну, и где Миха? Заперт в одной из комнат рядом с ремонтным залом? Или связанный лежит на дне бетонной ямы? Нет, последнее – вряд ли.

Когда Борзой подошел к костру, Рыба не пошевелился, а Кузьма с третьим бандитом подняли головы. Великан на грузовике повернулся, скрипнув железом. Часовой на мастерской не двигался – может, спит?

— Я тебе сказал: долго не бухать, — угрюмо произнес тот, что сидел спиной ко мне. – Почему хромаешь? С рукой что?

Ясно — старший. Главарь.

— Да я... — заговорил Борзой, — там с одним... Хрен из леса, блин! Сцепился с ним...

— Сцепился? — на бритой голове заиграли отблески костра, когда главарь повернулся к Борзому, неуверенно топтавшему у костра.

— Ну, так вышло...

— Что ты там лепечешь, придурок? Судя по тому, как ты хромаешь, он тебя отметелил.

— Не, Зверобой, ты послушай...

— Чего мне тебя слушать? Сказано было: скоро дело очень серьезное, ни во что не вступать. А ты?

— Да я... Девка эта, понимаешь? Шлюха — а не дает! Я к ней и так, и сяк... А этот... Ну, он вышибала там новый. Зверобой! — горячо зашептал Борзой, склоняясь к главарю. — Пошли, замочим его. Он жлоб какой-то, из Леса только выполз... у-у, морда тупая! Давай его убьем, к Лесу бога душу его мать!

— Шум сказано было не поднимать, — отдельно повторил тот, кого звали Зверобоем.

— Да какой шум! Мы тихо! Зарежем его, чик — и жмурик!

— А сам, значит, не можешь? — спросил Кузьма, выпустив в звездное небо клуб дыма.

— А ты молчи, борода! — окрысился Борзой. — Вертухай, блин, чья б мычала! Зверобой, ну, пошли...

Борзой еще ниже склонился к главарю. Я не понял, что произошло, не увидел удара, но кочевник в красной рубашке вдруг отлетел назад и стукнулся затылком об асфальт. Приподняв голову, он застонал:

— Зверобо-ой, ну ты чего...

— Дурак ты, — тот вроде и не пошевелился. — Еще раз встрянешь в такое, я тебя убью. Сто пудов говорю, не посмотрю, что племянник. Ты понял? Понял, дурак?

— Понял, понял я, — Борзой перевернулся на живот, подполз к костру и с трудом сел.

— Всем спать, — приказал Зверобой, затем повысил голос: — Боров, Гига — дежурить дальше, через два часа Кузьма с Рыбой сменяют. Все, теперь тишина.

Он как сидел – так и лег на бок. Подчинение в банде было, судя по всему, абсолютное, никто в ответ не сказал ни слова. Остальные трое тоже улеглись, подтянув к себе шкуры, накрылись ими. Кузьма щелчком отбросил самокрутку, та упала на асфальт, разлетелась искрами и погасла.

Я продолжал наблюдать. Спустя пару минут Борзой сел, оглядел других, вороватым движением достал из шкур фляжку, раскрыл и надолго припал к ней. Убрал обратно, вытащил пачку сигарет. Веткой выкатив из костра уголек, прикурил.

Стало совсем тихо. На кузове грузовика здоровяк выпрямился, потянулся с громким зевком. И правда великан, больше Кирпича, а ведь тот немаленький. Такого, как вышибалу, на «раз-два-три» не завалишь. Боров – почти наверняка эта кликуха принадлежала именно часовому на грузовике – прошелся по кузову, и я понял, что в руках у него действительно ручной пулемет. Во дает мужик! Такой ствол весит целую тонну. Встав спиной ко мне на другом конце машины, Боров махнул рукой часовому на крыше, и тот в ответ отсалютовал. Не спит, значит. Великан повернулся боком ко мне, сел и замер.

Я внимательно оглядел грузовик. Прямоугольный кузов обит железом, двери не видно – она на торце, обращенном к мастерской. В борту два окна, закрытые железными ставнями. Еще и засовы на них. Снаружи. Почему так?

Миха внутри, вот почему.

Конечно, я не знал этого наверняка, но была полная уверенность: он там. Не в одной из подсобок мастерской, не на дне бетонной ямы – в грузовике.

Сейчас мне туда не пробраться. То есть чисто теоретически я могу обойти мастерскую, залезть на нее с задней стороны, тихо-тихо подползти к часовому, Гиге этому, еще тише снять его, также неслышно спуститься, затем, уловив момент, когда Боров будет смотреть в другую сторону, подлезть к грузовику, забраться на кузов, перерезать глотку великану... Но практически – нереально. Я не ниндзя и не человек-невидимка. На крыше обязательно что-нибудь скрипнет, Гига или Боров или кто-то у костра обязательно услышат – в общем, меня засекут. И Михаила не спасу и сам спалюсь.

Главное: у меня до сих пор очень мало информации. Я не понимаю, зачем они выкрали напарника. Надо возвращаться, еще раз все обдумать,

попытаться раздобыть новые сведения, порасспрашивать людей. А завтра действовать. То есть уже сегодня, скоро рассвет.

Была и вторая причина, по которой я не спешил начинать прямо сейчас: мучительно хотелось спать. На ногах с раннего утра, ранен, прошел большой кусок от стоянки до Черного Рынка, по веревке ползал, стрелял, дрался дважды. Насыщенный день. А тут пара часовых в разных точках, трое людей у костра... В таком состоянии точно не смогу разобраться со всеми.

Борзой, докурив, улегся. Я на корточках тихо попятился от своего укрытия, потом выпрямился и пошел обратно в Шатер.

* * *

Заведение уже закрылось. На табурете, завернувшись в одеяло, дремал Борька с АК на коленях. Входной клапан был затянут. Знакомым путем я обошел Шатер и попал в свою каморку, воспользовавшись дверью в задней стене.

Днем в коридоре у кухни я заметил большую бадью с водой, и теперь решил ею воспользоваться. Разделся, в одних штанах прошел туда, по дороге сняв с вбитого в столб крюка тускло горевшую газовую лампу. Наскоро помывшись, вернулся к себе. Хорошо, что шкуры на кровати чистые и, кажется, без блох. Неприятно будет, если кусачие твари начнут по мне скакать. Поставив лампу на пол, я положил «махновку» рядом, у края койки, и с наслаждением вытянулся на ней во весь рост. Увидел, что не навесил замок на кольцо «молнии», закрывающей входной клапан, понял, что встать и сделать это нет уже никаких сил...

Тут брезент шевельнулся, застежка тихо звякнула. ТОЗ взлетел, и ствол уставился в лицо вошедшему.

То есть вошедшей.

— Хочешь застрелить девушку? – спросила она.

Поспал, называется. С другой стороны, даже удачно, мне ведь кое-что пришло в голову по дороге от стоянки бандитов, и девчонка нужна для воплощения плана.

— Стрелять не буду, но могу поцеловать, — сказал я.

Ксюха пошла к кровати. На ней была только мужская рубашка, застегнутая на две нижние пуговицы, и больше ничего.

Ствол ружья все еще смотрел на гостью. Она приближалась медленно, глядя мне в лицо, пока металл не коснулся нижней части живота, скрытого рубашкой. Словно не заметив этого, Ксюха спросила:

— Где ты был?

— Свежим воздухом дышал.

Я слегка опустил оружие, подцепил край рубашки и медленно повел стволом вверх, задирая ее. С протяжным вздохом Ксюха отстранила ружье, встала коленями на край кровати, затем качнулась вперед – и мягко упала на меня.

Теплые, влажные губы прижались к моим.

* * *

Девушка тихо дышала мне в ухо, устроившись у стены, на боку, закинув на меня согнутую ногу, и положив ладонь на грудь, а щеку – на плечо. Лампа погасла, но сквозь щели в деревянной стене проникал тусклый утренний свет.

— Почти утро, — сказал я. – Так и не поспал.

— Жалеешь? – спросила она как бы с легкой обидой. – Хотел бы сейчас спать один?

— Не жалею. Но спать-то все равно хочется.

— С утра в Шатре никого. Это у меня дела по хозяйству, а ты до двенадцати можешь не вставать или дольше.

— Не могу, у меня тоже дела.

— Чем ты занимаешься? Охотишься... а еще что?

— Да ничего, - пожал я плечами. - Просто охотимся.

— Охотимся? Так ты не один?..

Я пояснил нехотя:

— Напарник у меня есть, Михаил. Он... в другом месте сейчас.

Ксюха приподняла руку, коснулась ноготком впадины под моим горлом и задумчиво проговорила:

— Я видела, как ты дрался. С Кирпичом, потом с Борзым. Ты совсем не боялся. У тебя глаза такие были... как будто равнодушные. Тут часто драки, я же вижу: у мужиков в глазах всегда или злоба или страх, но обычно и то, и другое. А у тебя не было. Ты что, вообще не боишься?

Глядя в скошенный брезентовый потолок, я сказал:

— Я должен был умереть давно. Можно сказать, что умер. Чего мне теперь бояться.

Она уставилась на меня.

— Как это — умер? Во время Пандемии?

— Немного позже. Да неважно, забудь.

— Нет, важно. Расскажи.

— Там особо нечего рассказывать. Это когда мы с Михой познакомились, с напарником... Он старше меня лет на тридцать. И он, на самом деле, мой учитель, а не напарник. Только в последние пару лет мы как бы на равных стали, а раньше... В общем, мне было двенадцать, родных никого, все погибли или пропали. Я тогда впервые убил человека. Один бомж устроил логово в подвале бойлерной, натягал туда кучу продуктов из ближайшего магазина. Его почти сразу после этого разграбили мародеры. У бомжа была охотничья двустволка и еще набор тесаков из мясного отдела. Он там засел, спрятался то есть, я один про его логово знал. У меня началось воспаление легких, плюс с голоду уже совсем подыхал. Забрался на крышу бойлерной с большим камнем и стал ждать. Долго, сутки почти. Бомж наружу вышел по какому-то делу, потом назад – и я ему на голову сбросил камень. Убил, оттащил тело, вернее, откатил в сторону. Уже совсем без сил. Залез в бойлерную, заперся, поел немного и вырубился. У меня жар начался, видения всякие... Внутри бойлерной – трубы, всё в мазуте, ветошь вонючая, кирпичные стены, глухо, темно. Я за трубой лежу, в тряпье завернулся и брежу. То отца увижу, то мать, хотя ее и не помнил вроде совсем. То чертей каких-то. Мутантов. Потом вдруг стал Лес видеть... — я запнулся.

— Что? – удивилась Ксюха. – Как это, Лес?

— Говорю: бредил. Почти умер, помню даже темный туннель и свет в конце... Ну, про который говорят, что перед смертью люди видят. Свет уже совсем близко, я почти в него влетел, но тут сзади будто позвали, я оглянулся – а там лицо. Как если бы в туннель заглянул кто-то. Протянул ко мне руки, схватил и вытащил обратно. Потом оказалось, что это Миха. Он зашел в бойлерную, искал убежище на ночь. Так, случайно... И спас меня. Прямо оттуда, с той стороны вытащил. Остался со мной, выходил. Ну и научил выживать.

— И ты... — начала она.

Я перебил:

— Все, забудь, что я рассказал. Больше не буду про это. Как тебе этот Борзой, очень не нравится?

— Конечно, не нравится! Он трус. Женщины это чувствуют.

— Сильно он тебя достает?

— Сильно, — вздохнула она и медленно-медленно повела ногтем вниз по моей груди. — Но теперь ведь ты меня защитишь?

— Я постоянно возле тебя не буду. А Борзой этот без башни паренек, судя по всему.

Пока я говорил, палец продолжал ползти вниз, достиг моего живота и пошел дальше.

— С ним надо вопрос решить раз и навсегда, — заключил я, взял Ксюху за руку и вернул ее обратно на грудь.

— Как это — решить вопрос? Ты его убьешь?

— Какая тебе разница, что я с ним сделаю. Тебе нужно, чтобы он больше не приставал, правильно? Вообще не появлялся, ни когда я есть рядом, никогда меня нет.

— Ну... да, — согласилась девушка. — Конечно, я этого хочу. Но что ты можешь сделать?

— То, что могу — я и сделаю. Но мне надо, чтобы и ты кое-что сделала. Помогла немного.

— Как?

— Знаешь лесопилку примерно в километре на юг отсюда?

— Знаю, ее все знают. Зброшенная, там еще речка рядом.

— Правильно. Сейчас мне надо поспать, а после обеда — слушай внимательно...

* * *

Лесопилку окружал высокий забор в проломах, неподалеку по дну каменистой расселины текла быстрая холодная речка. Здесь было несколько строений, и самое большое — столярный цех. В центре его стоял станок для распилки бревен, с широкой станиной, из щели в которой выступал ржавый диск циркулярной пилы.

Плотно обмотав полосками меха доставшийся в наследство от Кирпича резиновый молоток, я уселся на балке у входа, лицом к нему.

Цеховые ворота была выломаны, в проем задувал ветер, шевелил траву, проросшую сквозь щели между половыми досками.

— Ксюха! – позвал знакомый голос, и в проеме возникла тень. – Ты где? Сама ж сказала приходить, а теперь тихаришься!

Донеслись шаги.

— Хватит прятаться, вылазь, давай, — недовольно добавил Борзой, входя внутрь.

Когда он прошел подо мной, я согнул ноги в коленях, зацепился ими за балку и кувыркнулся лицом вниз, взмахивая молотком.

Хрясь! – и Борзой без звука валится на пол. Хватаюсь за балку свободной рукой, спрыгиваю, выдергиваю из чехла на бедре кочевника обрез, потом бью его молотком еще раз – по темени.

Нога снова болит. Наплевать. Спустя минуту Борзой лежит на станине, руки-ноги разведены в стороны и привязаны к скобам, диск пилы – аккуратно между ног. Устрашающее зрелище, жаль, что не получится запустить станок. Электричества на лесопилке давным-давно нет.

Пока Борзой не очнулся, я хорошенько обыскал его. В сумочке на ремне обнаружилось тридцать железных рублей и небольшой брусок золота, десяток начиненных дробью патронов к обреза, начатая пачка сигарет «Кэмел» и коробок спичек.

Когда Борзой пришел в себя, я с сигаретой в зубах прохаживался вдоль станины, сжимая в одной руке молоток, а в другой нож Михи. Приподняв голову, кочевник посмотрел на диск пилы, перевел взгляд на меня и заорал:

— Снова ты, сучара?! Тебе чего надо?! Тебя же уроют, падлу!

— Не строй из себя смелого, — посоветовал я. — Ты не смелый, мы оба это знаем. Времени мало, сейчас ответишь на мои вопросы, тогда отпущу.

Последнее было ложью, но я не собирался быть благородным с ним.

— Хрен тебе на рыло! – снова заорал он. – Знаешь, что наши с тобой сделают? Зверобой что сделает?! Освежает живого! Голову отрежет и в жопу засунет! А ну отпустил меня быстро!

Я опять прошелся вдоль станины, затягиваясь и выпуская дым носом. Потом взмахнул рукой...

— А-а-а-а!!! – завопил Борзой, когда молоток впечатался в его лодыжку.

— Ты что делаешь, тварь паскудная?! Прекрати!!

Я еще раз ударил по тому же месту. Он взвыл дурным голосом. Удовольствие от всего этого я не получал ни малейшего, но именно поэтому дело нужно было закончить побыстрее. С видом маньяка, покачивая молотком, снова обошел станину. Наклонился над Борзым. Глаза его наполняли злоба и страх. Те самые, о которых говорила Ксюха. Я показал ему раскрытый нож.

— Это – моего напарника. Которого вы схватили вчера.

— Так ты... – выдохнул он изумленно. – Я думал – из-за девки! А ты охотник? Мутант, тварь! Урод шизанутый! Мы же тебя растерзаем, суку беспородную, мы...

Я сделал быстрое движение ножом, и алая нить протянулась через его шею у подбородка. Потекла кровь.

— Прекрати!!! – взвизгнул он.

— Отвечай на вопросы, иначе буду тебя то бить, то резать. Резать — и бить по ране. Охрененная боль. Поэтому лучше просто отвечай на вопросы, Борзой. Михаил жив или нет?

— Пошел ты к матери!.. – завопил кочевник и захлебнулся, когда молоток ударил по подбородку снизу. Кровь из разреза брызнула, как под давлением, потекла по шее и скулам.

— Не надо мать всуе поминать, — посоветовал я. — Жив или нет?

— Жив он! Жив!

— Тихо говори. Тихо и внятно, чтоб я не переспрашивал. И не ругайся. Возьми себя в руки, ты мужик или курица? Просто отвечай на вопросы. Ты понял?

— Понял, — прохрипел он.

— Где держите Михаила?

— В грузовике. На нашей стоянке грузовик крытый...

— Знаю. Зачем его схватили?

— Ну, нужен для чего-то Зверобою.

— Для чего нужен? Мы – простые охотники. А вы приехали за пятнадцать километров. Для чего?

Он часто моргал, глядя на меня. Потом сказал:

— Не знаю я. Не знаю! Зверобой никогда не говорит, что задумал.

Зрачки Борзого расширились, когда лезвие ножа плашмя прижалось к щеке под веком так, что кончик почти коснулся глаза.

— Сейчас вырежу тебе глазное яблоко, — пообещал я. – Отвечай: почему вы похитили моего напарника?

— Ты тварь, сволочь, – прошептал он. – Зверь, в натуре, зверюга!

— Отвечай, красавчик, или прощайся с глазом. Почему забрали напарника?

— Потому что его Кузьма узнал.

— Что значит – узнал?

— Кузьма раньше вохровцем был, или как их... Ну, этим – охранником, ментом. Конвойным. Зэков перевозил. Твой напарник недавно на Черный Рынок заезжал, сам...

— Патроны покупал, — кивнул я.

— Не знаю, может, патроны, Кузьма его увидел случайно. Узнал.

— Что Кузьма конкретно говорил?

— Мне ничего не говорил. Они со Зверобоем толковали. Наш старший никогда ничего не рассказывает, пойми! Я только так... урывками... Догадался или что подслушал... Кузьма твоего напарника перед этой, пандемией...

— Пандемией.

— Да, перед Пандемии видел. Кузьма куда-то зэков привез... Хер его знает куда. Какое-то место типа стремное очень. Этот, Миха твой, там был. Может, служил или что? Не знаю.

— Дальше говори.

— Ну, не знаю я больше ничего! Зверобой решил, короче, если твоего напарника схватить, и он расскажет что-то, то мы разбогатеем. Пойдем в то место и крутыми заделаемся.

Сигарета в зубах дотлела до фильтра, я выплюнул его и сказал, похлопав его ножом по щеке:

— По-моему, ты что-то не договариваешь.

— Все я договариваю! Зверобой думает, что после этого дела он самого Хана сможет скинуть! На всем Черным Рынке главарем стать!

— Скинет Хана? – удивился я. – Не чересчур ли? Это что ж там за место, и что в нем такое может быть спрятано, чтоб в результате можно было захватить власть на Рынке?

— Это ты у Зверобоя спроси, он так решил, а я не при делах.

— Ладно, — задумчиво сказал я, убирая нож от его лица, – давай повторим, чтобы все было понятно. До Пандемии Кузьма перевозил

уголовников. Привез очередную группу куда-то... точно неизвестно, но в том месте был Михаил. Кем он там был, чем занимался – ты не знаешь. Хотя место интересное и необычное. Кузьма там Михаила видел и запомнил. Пока все ясно, но дальше странность. Зачем вам Михаил сейчас, если Кузьма там был? Почему он сам Зверобоя туда не отведет?

— А может доступ какой-то особый, и теперь только напарник твой знает, как попасть? Или может Кузьма вообще не в курсе, где это место. Ну, сидел в этом... в автозаке крытом, маршрут не запомнил. Я не знаю.

— А мне кажется: знаешь, но темнишь.

Я поднял с пола обрез Борзого и нацелил на его правую ступню. Он взвыл:

— Перестань, охотник! Я все рассказал!

— С этого расстояния дробь разворотит ступню к мутантской матери.

Только клочья останутся с дробленой костью, такое не лечится.

— Прекрати!

— Рассказывай остальное.

— Ну, не при делах я! Не в курсе!

— Отвечай, вы Миху пытали?

Он замолчал.

— Пытали? – ствол уперся в ступню.

— Мы... нет...

— Правду говори! — Мой палец напрягся на спусковом крючке, и Борзой заметил это, задергался.

— Пытали, но он ничего не сказал! Зверобой тогда решил к Бадяжнику обратиться! Мужик такой есть на Рынке!

— Это тот, что наркоту варит из всяких трав, которые на краю Леса растут? При чем тут Бадяжник?

— Он вроде умеет такую штуку делать, называется, как ее... сыворотка правдивости или как...

— Скополамин, что ли? Я про него читал в одной книге.

— Ну, типа, оно самое. Не прямо его, но похожее что-то. Короче, такую сыворотку умеет бадяжить, ее терпиле вколешь – и он тебе все расскажет, как послушный. Хотя оно опасно, вроде, если доза слишком большая, можно дуба врезать. Зверобой решил напарнику твоему эту штуку вколоть.

— Когда?

— Сегодня, а когда ж? Уже наверное и вколлот, не знаю. Бадяжник в обед обещал сыворотку отдать, а щас уже к вечеру дело. За ней Гига должен был пойти. Клянусь, охотник, Лесом клянусь, мамой клянусь – ничего больше не знаю!

В глазах его был панический ужас. Я опустил обрез.

— Теперь заткнись и замри.

Он так и сделал. Я накинул на плечо ремень ТОЗа, перерезал веревки – сначала на ногах, потом на руках – и приказал:

— Сесть. Теперь встать. Лицом к воротам. Выходи.

Когда я направился следом, он сказал:

— Ты меня убьешь.

— Нет, отпущу.

— Как это – отпустишь? – кочевник сбился с шага. — Убьешь. Я же иначе к своим вернусь и все расскажу. Ты меня теперь отпустить не можешь.

— Да выходи ты! – я толкнул его стволом между лопаток, выпихивая наружу. – Не отпущу, конечно, но свяжу и положу в сарае. Сигу расскажу, где ты, он после тебя освободит. Иди вперед, а перед забором сворачивай.

Мы миновали двор и пошли вдоль ограды. Вдруг Борзой, истошно закричав, прыгнул вбок и нырнул в дыру в заборе.

— Стой! – я бросился следом.

Почти сразу за оградой был склон расселины, по которой текла река. На другом берегу росли густые заросли, где беглец мог легко скрыться. Он с разбегу прыгнул, и я выстрелил из обреза. Дробь ударила Борзого в спину, он с воплем рухнул вниз. Донесся громкий плеск. Бросив обрез, я сдернул с плеча «махновку», подскочил к обрыву.

Быстрое течение волокло кочевника вдоль расселины. Здесь было неглубоко, тело перекатывалось через валуны, вокруг расплывалось пятно крови. Непонятно, жив он или нет... Я прицелился и выстрелил. Попал, кажется, в плечо. Тело в воде сильно дернулось. Течение перетасило его через большой валун, дальше становилось глубже. Тело бултыхнулось туда, целиком ушло под воду... и больше я его не видел.

Перекинув через голову ремень ТОЗа, я подхватил обрез и побежал к Шатру.

* * *

— Ты сдурел?! – изумился Сигизмунд. – На Бадяжника наехать? Он большой дом занимает прямо в Ставке! Наркотой половину орды снабжает, Ставку тоже, у него там десяток охранников постоянно дежурит и еще столько же на подхвате.

Мы сидели у стойки, склонившись друг к другу. Кочевники отдыхали после вчерашней попойки, в зале никого не было, только Игорь с Борькой стучали молотком, ремонтируя сломанный стол.

— Что за охрана? – спросил я.

— Каратели, так их называют. Это боевой отряд Хана, он часть их в аренду сдает тем, у кого с деньгами хорошо. Бадяжник – самый крупный торговец наркотиками. Оптовик. Ты как хочешь, Стэн, а я тебе в этом не помощник. Бадяжник слишком крутой, чтоб на него наезжать.

— Если он передаст эту сыворотку...

— Да он, по твоим же словам, ее уже передал. Ты опоздал, Стэн. – Сигизмунд поерзал на ящике и вдруг решил: — Слушай, я вообще хочу, чтоб ты отсюда выметался. Слишком все это опасно стало.

— Завтра.

— Нет, сегодня. Прямо сейчас! — он даже стукнул кулаком по стойке.

— Без вышибалы останешься.

— Хрен с ним, побуду без вышибалы. Зато голова цела.

Он собрался встать, но я положил руку ему на плечо и тихо сказал:

— Ты не их бойся, Сиг, ты меня бойся. Знаешь, как у нас с Михой всё было... я за него любого порву. И тебя тоже, если придется.

Хозяин Шатра ссутулился, посидел молча и сказал:

— Хорошо, можешь переночевать. Но никакой помощи больше не жди.

— Мне гранатомет нужен.

— Нет у меня гранатомета.

— Наверняка есть. На складе в подвале где-нибудь спрятан.

— Нету!

— Тридцать рублей дам и золота брусок грамм на сто.

— Это за гранатомет-то? Он в пять раз больше стоит. И нет его у меня, я сказал!

— То есть и ты теперь против меня, — констатировал я. – Все против.

— Я – не против. Но и не за. Разбирайся сам со своими проблемами. Гранатомет ему! Хочешь на стоянку тех бандитов напасть, заваруху возле

Ставки устроить? Тебя либо сразу положат, либо Хан пришлет отряд своих карателей. Если какие банды недалеко от Ставки большой шум поднимают – каратели наскакивают и зачищают территорию под ноль. Такие тут законы: всех, кто свалить не успел – под нож или под пулю. Шатер мой сожгут. Никаких гранатометов, Стэн, и никакой помощи! Последнюю ночь ночуешь и вали!

— Ладно, не вопи. У меня еще вопрос есть. Знаешь про такого человека: Зверобоя? Я тебе сразу не сказал – это он вожак банды, которая Миху забрала.

Сиг побледнел – скорее даже посерел. Отодвинулся от меня и зашептал, нервно оглядываясь:

— Зверобой был помощником Хана, бригадиром карательного отряда для решения всяких вопросов, когда нужно с особой жестокостью... Но он слишком много крови пускал, разговоры нехорошие шли. Даже по местным меркам чересчур жестоко дела делал, и Хан его отстранил. Вроде как уволил. Это что получается, ему Михаил зачем-то понадобился? Борзой, которого ты в речке утопил, из его бригады?

— Он его племянник, — пояснил я.

— Ты племянника Зверобоя утопил?! Стэн, никаких ночевок, вали отсюда к мутантской матери! Прямо сейчас!

Сиг невольно повысил голос, и Борька с Игорем посмотрели на нас. Я заметил, что из кухни выглянула Ксюха. Она что, там была? Слышала, наверное, всё сквозь брезентовую стену.

Лицо у Сига было такое, что я молча встал и направился в свою каморку. В коридоре, услышав шаги, оглянулся – Сигизмунд быстро шел следом. Не глядя на меня, произнес:

— Ладно, погорячился я. Одну ночь можешь переночевать, а завтра рано утром уходи.

Он свернул в другой коридор, бросив напоследок:

— Но из Шатра носа не высовывай и в зал вечером не суйся. Иди прямо сейчас к себе и сиди там безвылазно. Пожрать принесут.

Сидеть в Шатре я, конечно, не собирался, но неясно было, что делать. В одном Сиг прав: идея идти к Бадяжнику запоздала, сыворотка уже у Зверобоя. Возможно, бандиты даже успели допросить Миху. Сначала пытали, потом вкололи это дерьмо...

Я сел на койку. Так, охотник, сосредоточься, соберись. Как вызволить Михаила из грузовика? Борзой выбыл, остались Зверобой, Кузьма, Рыба, Боров и Гига. Пятеро. У меня ТОЗ с обрезом, три ножа: мой, Михи и Борзого. И резиновый молоток. И деньги появились, теперь боеприпасы могу прикупить. Я достал из кармана брусок золота и один рубль, подбросил монету на ладони. Тридцать три рубля хватит на сильно подержанный автомат, если поторговаться. Гранатомет – нет, никак. Значит, АК, ружье, обрез... обвешаться этим всем, еще, может, пару-тройку гранат раздобыть. И наплевать на карателей, они будут уже не моей проблемой. Быстрый наскок на стоянку бандитов – единственный мой шанс, других вариантов не видно. Эх, гранатомет бы все-таки! У Сига ведь наверняка имеется. И гранат побольше. Продать он откажется, но можно ведь иначе. Схватить его, ствол к виску, заставить провести меня на склад...

За дверью раздались быстрые шаги, и я вскочил, подняв ружье. Донесся шепот:

— Стэн!

Я шагнул к двери, встав сбоку у стены, приоткрыл.

— Это я, — прошептала Ксюха. Она тяжело дышала, словно только что бежала.

— Входи.

Девушка протиснулась в проем, схватила меня за руку и прошептала:

— Сиг тебя сдал!

— Кому? – не понял я.

— Бадяжнику. Когда вы говорили, я на кухне слышала. Ты пошел сюда, а хозяин сразу к нему побежал. Я за ним. Он зашел к Бадяжнику в дом, я снаружи спряталась. Когда Сиг вышел, там засуетились, сам Бадяжник тоже появился, стал отдавать приказы. У входа бойцы собрались. Я тогда побежала быстрее к тебе.

— Скорее всего, он сказал Бадяжнику, что новый вышибала собрался его ограбить, — предположил я. – Сиг прикинул, что так для него лучше всего разрешить эту ситуацию.

— Но ты же можешь им правду рассказать.

— Какую, о чем? Кому я нужен со своей правдой, завалят без слов, и все.

— Тогда уходи быстрее!

— Тебя никто не видел? Как ты Борзому предлагала на лесопилку на свидание прийти и сейчас?

— Не видели.

— Хорошо. – Я погладил ее по голове. – Спасибо, девочка. Теперь иди.

Не дожидаясь ответа, быстро собрался и шагнул к двери, напоследок бросив растерянной Ксюхе:

— Просто иди на кухню, занимайся своими делами. Ты ничего не видела и ничего не знаешь.

Когда я пересекал пустырь позади Шатра, с другой его стороны донеслись голоса и топот ног.

* * *

Накинув на голову капюшон куртки и сунув в карманы руки в перчатках, я быстро шел вдоль торговых палаток в двух кварталах от площади, где стоял Шатер.

Ищущие меня каратели либо еще не добрались сюда, либо вообще не собирались соваться. Но все равно я надвинул капюшон поглубже, осторожно поглядывал из-под него по сторонам и старался не привлекать к себе внимания.

Торговали здесь по большей части всякой рухлядью. Я трижды останавливался, приценивался - сначала к «валу» со сломанным прикладам, потом к АК без целика, потом к старенькому ТТ. И когда уже решил, что на имеющиеся деньги ничего толкового, кроме патронов, не куплю, увидел в конце ряда торговца артефактами.

Старик в обносках сидел рядом с навесом из дырявого целлофана, повешенного на вбитые в землю палки. Рядом была расстелена тряпица, а на ней лежали два артефакта.

Старатель. Так называют людей, которые с риском для жизни добывают артефакты. Старатели либо, более уважительно, – сталкеры. Но этот бомж на сталкера не тянул. Из грязной бороды его торчали сухие травинки, глаза покраснели от пьянства, а нос напоминал помидор.

Я присел на корточки, разглядывая арты: цветок со слабым, мутно-синим свечением и угловатое, размером с кулак странное образование – вроде камня, частично покрытого пупырчатой корой, как у кокоса.

Это были «живокост» и «погремушка». Первый ускорял заживление ран, второй имел более необычный эффект: поглощал звуки в небольшой области вокруг себя. Погремушка, в отличие от большинства других артефактов, со временем не разрушается, ее можно «почистить» и снова использовать.

Между артефактами в землю прямо сквозь тряпку была воткнута палочка, и на нее, будто парус, надет лист фольги. Ох, умелец! Это он таким манером экранирует арты от взаимного излучения? Что они там излучали, никто толком не понимал, но лучше не держать артефакты вместе, могут возникнуть проблемы. Некоторые сталкеры считали, что излучение артефактов глушит мозги, чтобы противостоять этому, они обшивали фольгой подкладки шапок и ходили в них.

- Бери, малой, - просипел старатель. - Бери, не пожалеешь.

Я склонился ниже, вглядываясь. «Живокост» был совсем мутным и едва светился.

- Старый, - констатировал я.

- Не бухти! – обиделся бомж и ткнул меня морщинистым пальцем в грудь. – Наговариваешь на товар мой! Нулевой арт, говорю!

Я откинул его руку.

- Таким «живокостом» разве что прыщи сводить. Сколько за погремушку хочешь?

- Сто рублей.

- Сколько? Да ты опупел, старый!

- Цена - норм! – засипел он. – Смотри, ядреная какая, налитая...

Старатель поднял арт на ладони, демонстрируя во всей красе. Крупные пузыри, покрывающие часть «погремушки», были бледно-оранжевыми. Ясно, наглоталась уже звуков...

- Подержанный арт, вон какой расцветки. Четвертак дам.

- Погремушку почистить можно.

- Так это целое дело.

- Полтинник, - сипнул он, обдав меня перегаром.

Донеслись приглушенные голоса, я глянул из-под капюшона – в дальнем конце пустыря, где стояли палатки, появился отряд людей в черном. Далеко, не разобрать: то ли каратели, то ли просто банда какая-то.

- За тридцать беру, - сказал я, протягивая руку.

Он мотнул головой, накрыл арт ладонью.

- Мало!

Я выгреб из кармана горсть монет и показал ему:

- Больше у меня нет. Тридцать – или торгуй свои старьем дальше.

Старатель молчал, часто моргая красными глазами.

- Вот ты тормоз, батя, - я ссыпал монеты на тряпицу, отвел его ладонь и осторожно взял «погремушку».

Бригада в черном приближалась, теперь были видны черные каски на головах. Точно – каратели Хана.

- Мало... - начал старатель.

- Заткнись уже! - разозлился я. – На самом деле, я тебе переплачиваю... Вон, еще сумку ту давай.

Артефакт в руке был теплым и едва слышно гудел. Я схватил лежащую на земле меховую сумочку из шкуры зайца, сунул в нее погремуху, выпрямился и, нагнув голову, быстро направился прочь.

* * *

В зарослях у берега реки, которая днем унесла тело Борзого, было тихо. Вставив магазин в приемник ТОЗа, я начал быстро передергивать затвор, досылая патроны в патронник. Выбрасыватель с отражателем исправно делали свое дело, с лязгом вышвыривая их через верхнее окно патронника. Задвинув пустой магазин в гнездо, которое мы с Михой сделали в раскладном прикладе, взял другой, снарядил его, вставил приемник и тоже проверил, перещелкав все патроны. Повторил все это еще раз, удовлетворенно кивнул и сложил приклад.

Начало темнеть. Услышав шум, я привстал, поглядел сквозь пролом в ограде лесопилки. Во дворе появился отряд из десятка кочевников, все были в черной коже, на головах – каски. Увидев их, я возблагодарил самого себя за то, что не засел на лесопилке, хотя была такая мысль. Хорошо, что к речке решил уйти.

Каратели рассыпались по двору, заглядывая в здания, потом все вошли в цех, где я разбирался с Борзым. А ведь там следы остались, кровь на станине... впрочем, по ним не особо разберешь, что происходило в цехе.

Больше в поле зрения каратели не появились. Вышли, получается, через двери с другой стороны... Но если они оставили внутри пару часовых? Те могли засесть на чердаке у слуховых окошек и сверху контролировать

весь двор. Может, ерунда это, никого там нет, но все равно – теперь на лесопилку соваться точно нельзя.

Когда совсем стемнело, я забрался поглубже в заросли, с головой завернулся в куртку и заснул, сказав себе, что должен встать через три часа. Привычка просыпаться, когда нужно, выработалась давно и служила безотказно.

Открыл глаза, когда высоко в небе висел месяц. Хорошо, что до полнолуния далеко, иначе было бы слишком светло для моего плана. В расселине шумела вода. Примяв кусты, я встал, помахал руками, поприседал, разминаясь. На лесопилке не светило ни одного огня. Переодевшись в свои камуфляжные штаны, голый до пояса, я спустился к реке. Вымазал грязью торс, плечи, шею, лицо. Вернувшись, дождался, когда грязь подсохнет, и натянул перчатки. Теперь на теле остались лишь два небольших светлых пятна вокруг глаз. Все остальное или под штанами, или под темными грязевыми разводами.

Измазавшись грязью, я почувствовал себя как тот горбун. Они ведь тоже пачкаются в грязюке, причем Михаил утверждал, что именно для камуфляжа. Ну, вот и я теперь как мутант лесной. Один из леса. И никого за меня на всем Черном Рынке. Только Ксюха, но с женщин вообще толку не очень много.

Я сунул в карман нож Михи, а два других, свой и Борзого, повесил на ремень. Обрез кочевника решил оставить, непривычен он мне, к тому же под него нет чехла.

Вряд ли они там, на Рынке, из-за меня затеяли ночное патрулирование, это уже чересчур. Во-первых, не верю, что Бадяжника так уж напугала весть о том, что кто-то собирается его ограбить. Ну, позвали карателей, устроили рейд по окрестностям. Не нашли – и ладно. Охрану на эту ночь усилили, и всё.

Но внешность мою Сиг им наверняка описал, поэтому теперь никому нельзя попадаться на глаза.

Помимо ножей на ремне висела меховая сумка с «погремушкой». Крадучись, я обошел лесопилку и зашагал к бывшей СТО. Миновал пятиэтажку, с балкона которой наблюдал за похоронами Бохи Хмеля, круглый фонтан с грудой углей в центре. Дальше пошел не улицей, а через развалины, тут и там натываясь на лагеря, палатки или просто ночевки байкеров. Была глухая ночь, костры догорали, кочевники в основном спали.

Издали тихо доносилась музыка – играл магнитофон, скорее всего, подключенный к аккумулятору машины.

К СТО вышел с задней стороны мастерской. Зарослями, пригнувшись, обогнул ее. На асфальтовой площадке все было по-прежнему, но в этот раз на крыше дежурил Боров, а на грузовике сидел кто-то другой. Гига, что ли? Устроился он не на кузове, как великан прошлой ночью, а на кабине. Ее крыша была ниже примерно на полметра, бандит сидел на ней, спиной привалившись к выступающей части кузова. Машина стояла задом к мастерской – то есть Боров сверху видит Гигу, а тот его нет, по крайней мере, до тех пор, пока не сменит позу.

Я залег сбоку от грузовика, сунул руку в меховую сумку и двумя пальцами резко сжал артефакт. Произошло что-то вроде бесшумного взрыва... И глухой колпак тишины накрыл меня. Зазвенело в ушах. Самое странное, что звуки, источники которых находились дальше, чем в метре от меня, доносились вполне отчетливо. А вот те, что раздавались ближе – то есть которые издавал я сам – почти смолкли. Всегда удивлялся этой способности погремухи выборочно гасить звуковые колебания. Наверное, дело в направлении волн. На те, что идут снаружи вовнутрь, арт не реагирует, но те, что в обратные стороны, то есть от меня вовне – гасит.

Авторемонтная яма была прямо впереди, за ней машина, а дальше костер. Для Борова сверху яма выглядит просто черным прямоугольником, я очень сомневался, что в полутьме он сможет разглядеть меня, закамуфлированного грязью по самую макушку и распластавшегося на асфальте.

Куртку оставил на краю площадки, в кустах. Не факт, что удастся забрать, жалко вещь, но сейчас лучше без нее. Выданные Сиггом джинсы вообще бросил в реку, когда уходил – не нравились они мне, не люблю джинсу, она обычно слишком жесткая и трет где не надо.

Ремень, наискось перетягивающий грудь, крепко прижимал «махновку» к спине. В правой руке был охотничий нож. Сердце стучало громко и ровно, во рту пересохло. Несколько раз сглотнув, я пополз.

Медленно обогнул ремонтную яму, то и дело осторожно приподнимая голову и глядя вверх. Гига, может, спит? Сидит тихо так, неподвижно... Но Боров на крыше точно не спит – иногда встает и прохаживается. Каждый раз, когда он оказывался лицом ко мне, я замирал, потом снова полз. С

другой стороны грузовика доносилось потрескивание веток в костре, приглушенные голоса. Потом Зверобой спросил:

— Кузьма, руль починил?

— Не успел, стемнело. В кабине света мало.

— Нам рано утром уезжать.

— Утром и закончу. Там на две минуты работы

— Смотри мне. Какого хрена, где Борзой, а?

Раздался вялый голос Рыбы, я потом опять стало тихо. Я прополз еще немного и оказался под бортом грузовика, прямо у кабины. Теперь Боров меня никак не увидит. А вот Гига сверху может увидеть запросто, стоит ему только наклониться влево и кинуть взгляд через закругленный край кабины.

Встав на колени, я задрал голову. Подножка была прямо передо мной, дальше дверца. Зеркало заднего вида закреплено на длинном кронштейне из ржавых трубок. Значит так: выпрямиться, нож – в зубы, встать на подножку, притаиться, выждать пару секунд. Гига будет прямо надо мной, совсем рядом. Благодаря погремухе все это я смогу сделать бесшумно. Если только подножка громко не скрипнет, бандит меня не услышит, но вот сильный звук арт заглушит лишь частично. Дальше, как говорится, фифти-фифти. Если вспрыгну на кабину в тот момент, когда Боров будет лицом к грузовику, он меня увидит наверняка. Если боком – непонятно, может засечь краем глаза, может нет. Если же великан окажется ко мне спиной – значит, свезло охотнику Стэну.

С того момента, как грузовик скрыл от меня мастерскую, я мысленно удерживал картинку того, как Боров ходит по крыше. Если бандит не изменил ритм, скорость движения или вообще не остановился, то сейчас он должен развернуться ко мне лицом. Сжав нож зубами и сгорбившись, я привстал так, чтобы макушка не попала в поле зрения Гиги. Поставил ногу на подножку, медленно-медленно начал распрямлять.... Опять рана болит, пульсациями так, неприятно. Ничего с этим не поделаешь, терпи, охотник. Раздался тихий скрип металла под ногами, но погремуха исправно делала свое дело – он был едва слышным.

Когда я оказался на подножке, Боров как раз должен был повернуться спиной к машине. Подошвой я уперся в кронштейн зеркала. Схватился за ручку дверцы. Подождал еще секунду, перехватил нож рукой – и подпрыгнул.

Бандит сидел всего в полуметре, с закрытыми глазами. Меня он, конечно, услышал. Распахнул глаза, повернул голову...

Я воткнул клинок ему в горло. Горячая кровь брызнула на ладонь. Одной рукой схватил за волосы, а вторую, отпустив нож, прижал к его рту, чтобы заглушить предсмертный хрип. Глянул вверх. Боров медленно шел по краю крыши. Спиной к нам.

Гига затих. Ясно, почему мужика так называли: горбатый нос, кучерявые черные волосы, наждачная щетина, мохнатые брови. Вольный сын Кавказа. Кровь текла по груди, пропитывая фуфайку. Я высвободил клинок горла, и тело начало заваливаться вбок. Схватил мертвеца за плечо. Боров на крыше начал поворачиваться. Я толкнул Гигу обратно, и его голова откинулась назад, а затылок упал на край кузова.

Вниз я спрыгнул в тот миг, когда Боров очутился лицом к нам. Присел на подножке и замер. Бандит на крыше сейчас отчетливо видит Гигу, но тот сидит почти в прежней позе, только голову откинул сильнее. Великан может решить, что второй часовой заснул, и окликнет его. А может и не решить. Может вообще не обратить внимания на легкое изменение в положении тела.

Тихо потрескивал костер. Я прижимался к дверце кабины и вслушивался.

— Достал меня племянник, – раздалось из-за грузовика. – Появится – прибью. Два дня отлеживаться будет, падла.

— Как же тогда нам на дело отправляться? – возразил Кузьма.

— В кузов бросим, к охотнику. Пусть валяется.

— Охотник наверно сдох уже. Надо бы проверить.

— Проверишь, хотя какая теперь разница? Все равно я его с собой брать не собирался, мороки слишком много, – возразил Зверобой.

Я стиснул челюсти. Что дальше? Второй этап – еще сложнее первого. Нужно обойти грузовик и проникнуть в него. Дверь находится со стороны мастерской, по которой расхаживает Боров, и если на двери не только засов, но и замок... На этот случай у меня была заготовлена самодельная отмычка, которую смастерил из найденной в столярном цехе проволоки, но я не очень представлял себе, как в полутьме смогу быстро вскрыть замок, сдвинуть дверь, забраться грузовик – и все это, чтоб не заметили четверо находящихся поблизости людей, один из которых ходит прямо над головой и то и дело бросает взгляд в сторону машины.

Я уже собрался слезть с подножки, когда в голову пришла новая мысль. А нету ли другого пути внутрь? Потянул ручку, приоткрыл дверцу и нырнул в кабину.

Пахло бензином. Рулевая колонка была развинчена, «баранка» лежала на сидении, из гнезда торчали провода. В задней стенке кабины, прямо за коробкой передач - узкая дверь. Без засова и без замка. Ну вот, как чуял! Я осторожно приоткрыл ее, она скрипнула... кажется, арт переполнился. Теперь его чистить надо, почти уже не работает. Вроде, снаружи никто не услышал. Я шагнул внутрь, едва не наступив на тихо булькнувшую канистру. Слева возле низкой лавки стояли еще несколько. В центре кузова был большой железный люк.

А на стене справа... Отблески костра совсем слабо проникали сюда, и я сощурился в полутьме. Михаил был распят на досках борта, прибит к ним толстыми строительными гвоздями. Седая голова свешивалась на грудь. Я содрогнулся, сердце бешено заколотилось к груди.

— Миха! – шагнул к нему. Черная, глухая ярость накрыла меня.

Голова напарника медленно поднялась.

— Стэн. Пришел.

— Тише! – Я потянулся к гвоздю, но подумал, что если Миха повиснет только на одном, тот может порвать ему ладонь. Или нет? Никогда еще не видел распятого человека...

— Стэн... Стас, слышишь? — захрипел Михаил, впервые за долгое время называя меня по имени, полученным при рождении. – Полигон. Ты понимаешь? Это важно.

— Сейчас я тебя освобожу.

— Нет. Сердце. Стучит, будто током бьют. Вектор. Вектор!

Я заозирался, пытаюсь сообразить, что теперь делать. В кузове помимо лавки да канистр с топливом было только какое-то тряпье в углу и больше ничего.

— Полигон, — с нажимом повторил Михаил. – Полигон смерти.

— Что? – я посмотрел на него.

— Вектор, Стас.

Он явно бредил. Я зашептал:

— Потерпи, напарник, еще немного, снимем тебя с этих гвоздей, залатаем — будешь как новый. Только не шуми, у меня погремуха, но старая, почти уже не глушит.

— Они мне вкололи, — снова заговорил он, не слушая. – Доза... на кабана. Я им все рассказал. Не мог молчать. Сердце бьется – скоро лопнет. Приложи ладонь, сам услышишь.

Я так и сделал – и едва не отпрянул, ощутив истощное, сумасшедшее биение сердца в его груди.

— Мне конец, — зашептал Михаил. – Умру сейчас. Еще минута, две. Ты слушай...

Я решил, что иначе никак, схватился за толстую шляпку гвоздя, вбитого в правую руку, но напарник снова зашептал:

— Стас, подожди. Слушай. Слушай меня, сказал!

Я посмотрел ему в лицо. Оно было как у мертвеца, будто серая маска с черными провалами, где тускло поблескивали белки.

— Я сейчас умру, Стас. Ты меня... Огонь, — его голос опять стал прерываться. – Сожги, понял? Последнее желание. Не хочу с червями. В земле... Ненавижу это. Огонь. Чтобы с дымом... в небо, понял?

— Миша... — начал я, но он вдруг затрясся всем телом. И зачастил срывающимся голосом:

— Кузьма привозил. Для опытов, но не знал место. Секретность. Меня видел. Я там служил. Там... страшные вещи. Ключ, Стас. Где ключ?

— Какой ключ? — не понял я.

— Бросил для тебя. На стоянке.

— Ты про свой кулон? Я его подобрал. Миша, молчи лучше, теряешь силы

— Это ключ, – хрипел он. – Ключ. Раскрой им... Я знал раньше, до той... бойлерной. Ты помнишь? Про тебя. Твоего отца знал и... Пришел туда, чтобы... Помочь, спасти. Можешь ходить по Лесу. Такой... дар. От твоего отца. Ты видишь мерцание? Теперь Зверобой пойдет... Проект Вектор. Не дай Зверобойу! Если он получит... Убей его. Обязательно убей и скрой тайну от всех.

Больше не слушая, я уперся в стену ногой, собираясь рвануть гвоздь, и тут за дверью в задней части кузова лязгнул засов.

Ремешок плотно прижимал «махновку» к спине, чтобы схватить ее и нацелить на дверь, требовались лишние секунды. Выхватив из чехла нож, я бросился через кузов. Дверь сдвинулась на роликах, и в проем снизу забрался Кузьма. Выпрямился, крикнул, потянул автомат с плеча. В длинном

прыжке я воткнул нож ему в грудь и выбросил бандита из машины спиной назад.

Донесся стук, крик. Я задвинул дверь, запер, наложив железный засов, просунул в скобу крюк-фиксатор. Метнулся обратно, задвинул засов на двери, ведущей в кабину – короткий деревянный брусок. Вторая дверь совсем хлипкая, вынести ее легко.

Снаружи раздались голоса. Топот ног. Заматерились. Это Кузьма — не убил я его, жаль!

Я прыгнул обратно к Михаилу. Его голова была склонена, подбородок упирался в грудь.

— Миша! Сейчас! – потянулся к гвоздю.

Руки опустились сами собой. Я вдруг отчетливо понял: он умер. Все, Михи нет, передо мной тело без души. Положил ладонь ему на грудь. Сердце не билось.

В заднюю дверь ударили, и донесся голос Зверобоя:

— Кто внутри, сколько их?

— Один, — слабо отозвался Кузьма. – Не знаю кто, не разглядел.

— Точно один? Гига, твою налево, ты что...

— Кончился Гига, — ответили Зверобоем равнодушно. Голос, видимо, принадлежал Рыбе. – Отсюда вижу. Вон и кровь по кабине стекает.

— Он один, — повторил Кузьма.

Взявшись за «махновку», я повернулся кругом. Их там четверо. Не смогу застрелить всех – одного, максимум, двоих, если рывком сдвину дверь и сходу выстрелю. Меня завалят почти сразу. За Мишу не отомщу.

В дверь снова ударили — сильнее. Неразборчиво заговорил Зверобой. Скорее всего, он уже сообразил, как попасть внутрь.

— Боров! – позвал главарь. – Сюда, быстро!

Им даже взламывать ее не надо, Борову достаточно войти в кабину и открыть огонь из своего пулемета. Снесет и дверь, и все, что за ней. Я повернулся влево, вправо. Попятился, оглядываясь, под ногами скрипнуло, глянул туда – люк. Присел. Он тоже был закрыт на засов, а на том – большой висячий замок.

Под лавкой у борта стоял деревянный ящик, в каких обычно держат инструменты. Вытащив его, я откинул крышку – так и есть. Достал длинный ломик, поддел замок, нажал, рванул - и тот сломался. Приоткрыв люк, заглянул. Подо мной был темный асфальт. Можно спрыгнуть, проползти в

сторону ремонтной ямы, вскочить, выстрелить и бежать. Этим путем смогу выбраться... наверное.

— Боров, шевели копытами! – теперь голос главаря доносился из другого места, со стороны борта, то есть из-за спины Михи.

Напарник просил сжечь его.

Поняв, что надо делать, я схватил канистру с бензином, раскрыл и стал поливать пол. Плеснул на тело Михи. Бросил канистру на бок, топливо толчками потекло из горлышка. И тут я сообразил, что спичек нет, остались в куртке!

Раздались тяжелые шаги. Так, Боров подвалил. Опять голоса, с двух сторон... нет, уже с трех. Я свесил в люк голову. В свете костра виднелись ноги: позади машины, с правого борта, а вон пара движется к кабине – это Боров, судя по размеру. У второго борта, за которым была ремонтная яма, пока что никого не видно.

Я склонился над ящиком с инструментами. Достал из него железный короб, где лежала всякая мелочь, гайки, болты, шурупы и гвозди, поставил его в лужу натекшего бензина. Распахнул люк и тихо спрыгнул. Днище грузовика оказалось на высоте груди.

Подняв ружье, я посмотрел на Михаила и сказал:

— Прощай друг.

А потом выстрелил в нижнюю часть короба.

Пуля с лязгом отбросила его, выбив искры из железа. Бензин загорелся, я присел и покатился к борту. Вскочив, прыгнул.

В яму я упал за миг до того, как сзади рвануло. Грохот заглушил крики. Волна жара прошла надо мной, лизнула затылок и голую спину. Поднявшись, выпрыгнул наверх, развернулся лицом к машине и вскинул ружье. Огонь слепил, черный дым рвался в звездное небо. В багровом свете двигались силуэты. Я выстрелил, передернул затвор. Грохнуло в ответ, пуля свистнула совсем рядом. Второй выстрел раздался из-за кабины – и меня словно молотком ударили в живот. Все, конец, подстрелили!

Но тут оказалось, что пуля попала не в меня, а в меховую сумку из шкуры зайца, висящую на ремне спереди.

Она пробила артефакт, и тот в ответ взорвался. Нет, не огнем и жаром – он полыхнул звуками. Не знаю, кто и как долго использовал погремуху до меня, но рванула она на весь квартал. Дикая вспышка грохота, стонов, криков, рева мутантов, хруста веток, воя ветра, пения лесных птиц, голосов,

выстрелов, шума моторов... Должна быть, это была старая, повидавшая виды погремуха, погремуха-аксакал, которую давным-давно не чистили. Безумная какофония накрыла округу. Меня толкнуло назад, переломившись в пояснице, я рухнул на асфальт и зажал уши ладонями. Через несколько секунд грохот, вой и рев сменились клопочущим бульканьем. Меховую сумку на ремне просто разорвало, от нее и арта остались только клочья. Ничего не слыша, оглушенный, я нащупал валяющееся рядом ружье, встав на колени, направил его на горящий грузовик. Руки ходили ходуном, ствол дергался. Сквозь ватную тишину начали все громче доноситься звуки: шум пламени... треск... потом крик...

Застучал пулемет, из-за кабины, в окнах которой бушевал огонь, выдвинулась массивная фигура, опустилась на одно колено. Пули веером пошли над асфальтом, и мне снова пришлось падать. Лежа на боку, я выстрелил еще дважды. Оба раза не мог понять, попал или нет. Затем, перекатившись на живот, пополз прочь от ямы. Добрался до зарослей, встал, пригибаясь, побежал прочь. И только когда развалины скрыли пылающий грузовик, подумал о том, что никто из бандитов так и не видел меня вблизи.

* * *

— Как ты сюда по... — Сигизмунд не договорил, потому что в этот момент приклад ружья едва не выбил его нижнюю челюсть.

Хозяин Шатра упал на стул, ножка того подломилась, и он растянулся на полу.

— Сдал меня, – сказал я.

— Нет, — начал он. – Ты что, я не...

— Сдал, урод. Я все знаю.

— Что ты знаешь? – он вскочил, сжимая кулаки. – Что ты вообще можешь знать?!

— Вчера я за тобой проследил до дома Бадяжника. Видел, как там бойцы засновали... Ты ему сказал, что я хочу его ограбить или убить. Придумал такой способ выжить меня отсюда. Урод ты, Сиг. Барыга, одним словом, торгаш. Если бы вчера согласился мне помочь, Миха бы мог в живых остаться. Но он мертв. Поэтому я хочу тебя убить.

Он отошел от меня и сел на другой стул. Ссутулился, уткнувшись лицом в ладони, замер. Потом расправил плечи и с вызовом поглядел на меня.

— А с чего мне тебе помогать? Тебе и Мише?

— С чего? – переспросил я.

— Вы мне не друзья. Так, знакомые, поставщики просто. То, что я Михаила до Пандемии знал... ну, и что? Жизнь у каждого своя. И каждый ее бережет. Ты обо мне думал, когда просил помочь? О том, чем это для меня может обернуться, для Шатра, для всех моих работников? Не думал – потому что тебе на меня наплевать. Скажешь — нет, охотник? Наплевать! Ты свои проблемы решал, и всё. Но при этом ты ожидаешь почему-то, что мне на тебя не наплевать должно быть. Так кто из нас подлец, а?

— Ты. Потому что я тебя не предавал, а ты меня предал.

Лицо его стало хитрым. Как я и сказал, Сиг — прежде всего барыга. Торгаш. И как многие из их племени считает, что для других людей тоже имеет значение лишь выгода. Не честь, не справедливость, не месть – только выгода.

— Что ты хочешь? – спросил он.

Я криво улыбнулся, поигрывая ружьем перед его носом.

— Зверобой со своими у тебя был? Уже после того, как их грузовик сгорел?

— А грузовик, значит, ты спалил?

— Не твое дело. Отвечай. Чтоб не пришлось с тобой... как с Борзым, понял?

— Были они у меня, перед рассветом пришли. Я думал, по твою душу, а они про тебя и не спросили.

На самом деле о том, что бандиты наведывались в Шатер, мне рассказала Ксюха. И она же в предутренней темноте тайком провела меня через задние двери к кабинету Сига. Замок на клапане я вскрыл отмычкой из проволоки, и потом просто сидел и ждал его. Сигизмунд обычно вставал ни свет, ни заря, и в этот раз не изменил своей привычке.

— Они за жратвой пришли, да?

— Да, за припасами в дорогу. Им вдруг срочно понадобилось уезжать. Купили – и ушли. Укатали, в смысле, на мотоциклах своих.

— В каком направлении?

— Откуда я знаю? Видел, что в коляску мотоциклетную набросали припасов. Еще один мотоцикл у них, плюс трицикл.

— Странно, что я его так и не заметил на стоянке, — пробормотал я. — Наверное, в глубине мастерской стоял... Ладно, уже неважно. Много припасов взяли?

— Много. Третью склада выгребли, Зверобой двумя брусками золота расплатился и сотней рублей.

— То есть далеко собрались. Так в каком направлении поехали?

Он неопределенно махнул рукой.

— На восток вроде.

— Вроде?

— Я им вслед платочком не махал. На северо-восток, скорее так.

— Еще что расскажешь? Не темни, Сиг, не в твоих интересах.

Он пожал плечами:

— Одно могу добавить: из разговора мне показалось, что впереди их еще кто-то поджидает. Поделъники. И здоровый этот спросил у другого, бородатого, хорошо ли тот знает, как к Просеке двигаться. А Просека на востоке отсюда, если немного к северу забирать.

Я уточнил:

— Бородатый как на ногах держался?

— С трудом. Качало его, грудь повязкой перетянута. И кривился все время, вроде больно ему. Все, Стэн, мы в расчете. Я тебе на вопросы ответил.

— В расчете? Да ты с ума сошел, барыга! Сейчас идем на твой склад, дашь мне то, на что покажу. Может быть, после этого я посчитаю, что мы в расчете, и мне не нужно убивать тебя за то, что ты — тварь, урод и предатель. Понял?

Одна половина подвала была отведена под съестное, а вторая, отгороженная фанерной перегородкой, под стволы, боеприпас и шмот. Мы пробыли там с полчаса. Под конец Сиг аж с лица спал, так ему было жалко расставаться с добром. Я стал владельцем «Вала», трех цинков с патронами, пяти гранат, рюкзака, спальника, туристического топорика, трех пар шерстяных носков, четырех комплектов белья – термо и обычного, и еще всякой мелочи вроде спичек, зажигалки, бензинового баллончика к ней, мотка веревки, точилки, запасных стелек и прочего в таком духе.

Помимо этого взял большой кусок соленого сала, две фляги – с водой и водкой – десяток кукурузных лепешек, вяленую рыбу, несколько луковиц,

чеснок, три банки тушенки и пачку вермишели. Все это сложил в рюкзак вместе с походной аптечкой.

— Теперь говори, где раздобыть транспорт, — сказал я, когда мы покинули склад. — Лучше всего — байк. И запасную канистру с топливом к нему.

— Можешь купить, — ответил он. — Автобазар недалеко. Но хороший мотоцикл, да еще с топливом, много стоит.

— Могу купить, а могу и угнать. Где, по-твоему, это легче всего сделать?

Он объяснил. И потом, увидев, что я собираюсь покинуть Шатер, спросил с облегчением:

— Все, Стэн, мы снова друзья?

— Друзья? — я поднял бровь. — Друзей у меня больше нет. Но за свою жизнь можешь не опасаться. Хотя, думаю, тебя рано или поздно кто-то другой хлопнет.

Сиг хмуро отвернулся и больше на меня не глядел. Я прошел по коридору, через зал — Игорь с Борькой, расставляющие стулья, проводили меня удивленным взглядом — и вышел под тусклый свет раннего осеннего утра. Солнца еще не поднялось, было холодно и серо.

Не успел отойти далеко, как сзади раздались шаги, и я остановился, узнав их. Плохо, хотел обойтись без этого разговора...

— Стэн!

Я повернулся, и Ксюха шагнула ко мне, заглядывая в лицо.

— Я с тобой.

— Зачем? — спросил я.

— Не хочу здесь оставаться. С тобой пойду.

Отступив, я окинул ее взглядом. Хорошая, в общем-то, девчонка. Не злая, симпатичная. Не подлая. Вот только...

Она побывала в моей постели, но не в моем сердце. Нет смысла требовать того, чего у тебя нет, например, чувств, которых ты не испытываешь. А к ней я не испытывал никаких чувств. Разве что благодарность за то, что предупредила о карателях.

— Нет, — сказал я. — Со мной опасно.

— Ну и что? Я не боюсь! Уже привыкла. Сейчас везде опасно.

— В Шатре у Сига гораздо спокойнее. А я постоянно в такое встречаю...

— Пожалуйста, Стэн! – она снова шагнула ближе ко мне.

— Я – охотник, Оксана. Бродяга. Хожу по лесам, мутантов бью. Сплю у костров, по развалинам, постоянно кочую. Это не для женщины. Вам нужен дом, свое гнездо, чтоб обставить его, поливать цветы, родить ребенка и тихо радоваться. Скажешь, нет? А я такую жизнь не обеспечу.

— Откуда ты знаешь, что нам надо? Что мне надо?! – вспыхнула она, щеки покраснели, кулаки сжались, но я не дал ей повысить голос – шагнув вперед, положил ладонь на затылок, притянул к себе и поцеловал. Ксюха тут же затихла, обмякла в моих руках. Поцелуй был крепкий, но длился недолго. Когда я шагнул назад, в ее глазах были слезы.

— Извини, — сказал я.

Потом повернулся и ушел, запретив себе оглядываться.

На то, чтобы заполучить мотоцикл, потратил около часа – минут пятьдесят наблюдения с разных точек за стоянкой одной банды и около пяти минут на сам угон. Мужики прошлой ночью изрядно перепились и были не в состоянии уследить за своей колесной собственностью. Машина оказалась неплохой, с расширенным баком, и хотя запасной канистры я не раздобыл, но решил, что и того, что есть, хватит надолго.

Отъехав от Черного Рынка на пару километров, остановился на вершине холма. Было свежо, порывами дул ветер, гнал по небу облака. Куда-то туда, в это ясное холодное небо вместе с дымом горящего грузовика унеслась душа Михаила Тополя, единственного друга, который был у меня в жизни.

Вытащив из-под рубахи кулон на тонкой титановой цепочке, я оглядел его. Зачем Михаил таскал эту штуку с собой столько лет, почему так берег?

Он сказал тогда: *«Я знал раньше, до той бойлерной. Про тебя. Твоего отца»*.

А еще он спросил: *«Ты видишь мерцание?»*

С того момента, как в грузовике напарник произнес эти слова, я гнал от себя мысли о них. Надо было закончить все, разобраться с Сигом, и я специально не думал на эту тему. А теперь задумался.

И понял, что вопросов у меня стало еще больше, чем было раньше. Выходит, много лет назад Михаил появился в бойлерной не случайно, как я всегда считал, он пришел туда за мной? Он искал меня? Знал моего отца? Но я сам почти не помню его! Только что-то обрывочное – серьезный человек с

высоким морщинистым лбом... Очки... Бежевые стены, белые халаты... Стоп, что за халаты? Кажется, отец возил меня куда-то... лаборатория или что-то подобное. Ничего конкретного вспомнить теперь не удавалось. Больше десяти лет прошло с тех пор, и это была очень насыщенная жизнь, полная событий, людей, зверья, опасностей. Долгие годы мне было не до детских впечатлений, и они постепенно стирались из памяти. Какое отношение ко всему этому имеет Михаил? Что за «вектор» он упоминал перед смертью? Еще какой-то полигон... Полигон смерти, так он сказал.

И мерцание. Михаил спросил, вижу ли я мерцание. Но я никогда не рассказывал ему о своих видениях! Намекал пару раз, но не говорил ничего конкретного. И самого этого слова не произносил. Так откуда он знал?..

Пальцы машинально крутили кулон, и в какой-то момент случайно нажали на ушко, в которое была продета цепочка. Я вздрогнул, когда с мягким щелчком из торца выехала пластина, запаянная в твердую прозрачную обертку. Под нею были серебристые дорожки, кругляши, крошечные зеленые и желтые прямоугольники... Микросхема. Я повернул кулон. На другой стороне пластины был рисунок: буква «V», наискось перечеркнутая зигзагом молнии.

V – значит Вектор?

Ключ, так сказал напарник. У меня в руках электронный ключ. Знать бы только от чего?

Все это как-то связано. Михаил, моя давно позабытая жизнь до Пандемии, мои видения, мерцающие существа, электронный ключ, прошлое напарника и это непонятный «вектор»...

И Лес.

Я поднял голову, глядя вдаль. Лес, прибежище мерцающих, вот главная загадка. Десятки, сотни, тысячи километров, захваченных странной растительностью и существами. Сумрачный зеленый мир, чуждый и непонятный. Вихри ядовитых спор, миграции необычных зверей, внезапные нашествия хищных мутантов и убийственный Шторм – его порождения, его оружие. Отсюда граница была не видна, но я чувствовал там, у горизонта, огромное молчаливое **НЕЧТО**, которое смотрело на меня тысячами глаз. Смотрело и ждало чего-то.

Бандиты, укатившие на восток, знают часть ответов на мои вопросы.

А еще я должен отомстить. Как сказал тогда Михаил... Прощают только недостойных мести? Не знаю, достойны они или нет, но я убью их всех.

Я вдвинул микросхему обратно в кулон и повесил его на шею. Проверил ремни, пристегивающие рюкзак к багажнику, поправил висящий за спиной «вал». Завел мотоцикл и поехал навстречу восходящему солнцу.